

БОГОЯВЛЕНСКОЕ

ТОМ 2 СМУТА

ЕКАТЕРИНА ДРОЗДОВА

16+

Екатерина Дроздова

Богоявленское. Том 2. Смута

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65993695

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-92469-7

Аннотация

Во втором томе главные герои романа оказываются погружёнными в водоворот событий Первой мировой войны 1914–1917 годов, когда линия фронта пролегла как через государственные границы, так и через сердца людей, когда всех их новое время поставило перед выбором – верность присяге или социальной справедливости, семье или сиюминутному увлечению, совести или богатству, любви или новомодной вседозволенности? И есть ли шанс сохранить хрупкий мир в стране и душе, когда он охвачен смутой, предвещающей большую беду?

Содержание

Том II. Смута.	5
Глава 1.	6
Глава 2.	18
Глава 3.	27
Глава 4.	37
Глава 5.	45
Глава 6.	54
Глава 7.	66
Глава 8.	79
Глава 9.	90
Глава 10.	96
Глава 11.	102
Глава 12.	106
Глава 13.	115
Глава 14.	122
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Екатерина Дроздова

Богоявленское.

Том 2. Смута

Все персонажи этого романа являются вымышленными
и любое совпадение с реально живущими
или когда-либо жившими людьми случайно.

Том II. Смута.

«Россия не могла уклониться от дерзкого вызова своих врагов, она не могла отказаться от лучших заветов своей истории, она не могла перестать быть великой Россией».

С. Сазонов

Глава 1.

Вслед за Михаэлем возле усадьбы Петра Ивановича Сенявина остановился второй экипаж. Это приехал Алексей Валерьевич Серебрянов с юной супругой Ксюшей. Но вопреки ожиданиям семьи, из кареты не выпорхнула их весенняя пташка, а степенно вышла надменная столичная барышня. Не слова не сказав, она подошла к отцу и с наигранной усталостью, опустила свою белокурую голову ему на плечо. Теперь в ней едва угадывалась прежняя княжна, и всё в её виде говорило о безрадостном возвращении в отчий дом.

Петр Иванович постарался не обращать внимания на эти перемены в младшей дочери, и крепко прижав к себе Ксюшу, протянул руку Алексею Валерьевичу. Он был рад разумному решению любимого зятя привезти Ксюшу в Богоявленское. А вечером этого же дня приехал и самый долгожданный гость Петра Ивановича и Ольги Андреевны – сын Андрей. Он едва успел окончить Павловское военное училище в Петербурге и сразу же попал под всеобщую мобилизацию. Но таким сегодня был удел каждого офицера – не беречь своей жизни на фронте во имя свободы отечества. И приняв его, Андрей не роптал.

Наконец вся семья дома за общим столом в большом обеденном зале. Что могло быть радостнее для Петра Ивановича, чем эта встреча, когда все самые близкие люди собрались

вместе? Долгие годы он мечтал об этом дне. Но предгрозовая тишина витала в воздухе не давая насладиться этими счастливыми минутами.

Петр Иванович, задумчивый и печальный, внимательно наблюдал за каждым сидящим за столом гостем. Находящаяся рядом супруга Ольга Андреевна казалась такой беззаботной, будто и не понимала до конца всю степень трагедии случившейся в Европе. Они прожили вместе двадцать лет, но только сейчас он признал, что по-настоящему близкими людьми они так и не стали.

По правую руку от князя сидел его любимый, единственный сын, восемнадцатилетний Андрей. Всей своей наружностью походил он на мать, не высокого роста, белокурый, сероглазый с тонкими чертами лица. Но было в нём то, чего уж точно не наблюдалось в Ольге Андреевне – чистая, честная душа. Ни к кому и никогда не был так привязан Петр Иванович, никого и никогда не любил он так сильно, как Андрея. Ведь он плоть от его плоти, воплощение его мысли. А вернётся ли он с этой войны? И не суждено ли стать этой их встрече последней?

Петр Иванович сразу же погнал эти мысли прочь от себя, ведь мысли человека материальны, особенно, если они наполнены страхом. В задумчивости он посмотрел на Егора, сидящего рядом с Андреем. Какой осознанностью и тревогой был наполнен его взгляд.

А вот и шестнадцатилетняя Ксюша сидит близко к люби-

мому брату, как в детстве. Только не по-детски озабочена и грустна, и в глазах её... Нет, не может быть – злость! Отчего же его младшая дочь, всегда такая ласковая и одухотворённая, любимица матери, брата и всех знающих её людей, всего за год жизни в столице, так переменилась? Быть может виной всему несчастливое замужество? Нет. Одета по последней моде, усыпанная дорогими украшениями, даже заколки и гребни её сияли драгоценными камнями, Ксюша была любима и избалована супругом, и любовь эта, без сомнений, была взаимной. Да и можно ли было Алексея Валерьевича не любить? Он умён, серьёзен, благороден, и пусть он не так молод и красив, как его юная супруга, зато рядом с ним всегда спокойно. На Алексея Валерьевича всегда можно положиться, опереться в трудный час, ведь данное им слово чести крепче камня.

«Какое же это счастье, что Алексей Валерьевич вошёл в нашу семью, – подумал Петр Иванович. – И вдруг война! Эта странная, ненужная, бесполезная война разлучает два любящих, счастливых сердца. А если навсегда? Нет-нет!»

Петр Иванович снова погнал от себя дурные мысли. Он никогда не допустил бы несчастья своих детей, применил бы всё своё влияние, весь свой родовой авторитет, но перед войной он был совершенно бессилен.

Петр Иванович отвёл глаза от зятя и посмотрел перед собой. Во главе противоположного конца стола сидел его друг Михаэль с супругой Мартой. Ах, этот Михаэль. Сколько пе-

реживаний, душевных терзаний выпало на его долю, когда он навсегда покидал свою родину, а ведь она у человека одна, и вот новое испытание. Эта война станет уже не первой для опытного полковника Нейгона, но, как же воевать против страны, в которой ты родился, в которой живёт твоя мать, и в которой ты был когда-то счастлив? И как же стрелять в людей, которые думают с тобой на одном языке? А отказаться нельзя. Долг офицера велит защищать страну, которой ты присягнул, которая дала тебе приют, в которой родилась твоя дочь.

А Михаэль сидит с непроницаемым лицом, красивый и благородный, и только глаза выдают невыносимую душевную боль, и одному лишь Богу известно, какая мука терзает его. Не может быть того, чтобы эта война унесла его жизнь. И пусть встречаться Петру Ивановичу с Михаэлем доводилось не часто, ближе друга у него не было. И пусть где-то за океаном говорят, что незаменимых людей нет, но Михаэль для Петра Ивановича был незаменим. И почему кто-то вдруг решил, что может дружбу эту остановить, забрав его жизнь? По какому праву? И что же станет тогда с его семье: с его прекрасной дочерью, которая тут, рядом, не в силах скрыть свою печаль? И кажется, будто вся грусть отца, так тщательно скрываемая, отразилась сейчас в её глазах.

– Скажите, Марта, не прогадала ли я, заказав в Петербурге блузку с покроем «голубиная грудка»?

Неожиданный вопрос Веры резко встряхнул всех сидя-

щих за столом и заставил вернуться из задумчивости в реальность. Вера одна взяла на себя смелость разорвать эту тишину и отвлечь от дурных мыслей семью и гостей непринужденным разговором.

– Нет, Верочка, вы не прогадали. Помимо того, что этот покрой нынче очень актуален, он позволяет также, прошу прощения у мужчин, немного меньше шнуроваться, – ответила Марта.

Гости снова замолчали. И тогда умная, внимательная Вера поняла, что настало время оставить мужчин одних.

– Если позволите, мы с мамой и Ксюшей, хотели бы показать вам наш парк. Он считается жемчужиной всей Воронежской губернии, а вы, в отличие от Михаэля Федоровича, его ещё не видели.

И только, когда женщины покинули дом, уединившись в кабинете Петра Ивановича, мужчины завели долгий, безрадостный разговор.

– Что же, господа, стоит признать, что эта война едва ли стала неожиданной, – сказал Михаэль, усаживаясь в кресло. – Предпосылок для столь трагического исхода слишком много и начало им было положено давно. Все эти торговые барьеры, гонка вооружений, территориальные притязания не могли пройти бесследно. Последние годы Германия экономически сильно окрепла. И, что мы видим – монополия в самых передовых отраслях: машиностроении и химии. Для дальнейшего развития Германии просто необходимо сырьё.

Берлин уже давно вёл борьбу за мировое господство, и, как государство, имеющее мощную армию, она стремится теперь стать и морской державой.

– Да, но и всё-таки все надеялись на мирный исход, даже невзирая на уже существующие локальные конфликты, – ответил Михаэлю Петр Иванович, садясь напротив друга.

– Вот эти-то Балканские войны и начавшаяся Итало-Турецкая и разожгли огонь в Европе. К тому же Австро-Венгрия, основной союзник Германии, слабеет, а Россия, напротив, с каждым годом только усиливается.

– Да, и это делает положение Германии уязвимым, – согласился Петр Иванович. – Ведь потеря Австро-Венгрии означает полную изоляцию Германии на международной арене.

– Выходит, господа, война эта нужна только Германии? – с печалью в голосе спросил Андрей, натирая мелом кий. – Но, как же тогда вышло так, что началась война с участием нескольких стран по обе стороны? Всё-таки для этого нужна одна, но очень весомая причина. Быть может, я слишком близорук, но я такой не наблюдаю, и убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараево, вижу лишь поводом.

– Поверь мне, мой мальчик, эту единственную причину пытаются найти сейчас все, но поиски эти тщетны, ибо такой причины нет, – ответил Андрею Михаэль. – Война началась не по какой-то одной причине, война началась по всем причинам сразу.

– А какое будет ваше мнение, Алексей Валерьевич?
– спросил Андрей играющего с ним Серебрянова.

– Какая теперь, к чёрту, разница? – бросив кий, нервно ответил тот.

И все присутствующие в кабинете устремили на него внимательный взгляд.

Теперь, когда Алексей Валерьевич научился жить мирной, будничной семейной жизнью и получать от неё удовольствие, мысли о предстоящей жизни военной, походной будили в нём неимоверную злость. Меньше всего сейчас он хотел оставлять молодую супругу и весь тот домашний уют, который она для него создала и, которым он так и не успел насладиться сполна.

– Война уже началась и выяснение её причин ничего уже не изменит, – констатировал Алексей Валерьевич. – К тому же их и в самом деле слишком много. А вот к чему приведёт эта война, вопрос куда более занятный. То, что война будет выиграна нами и в ближайшее время, у меня лично, сомнений нет. Но вот мнение общественности...

– Что до мнения общественности, то у меня также нет сомнений. Оно будет на стороне государства, – ответил Петр Иванович. – Достаточно вспомнить русско-японскую войну. Согласитесь, господа, оппозиционные правительству круги, тогда, оказались застигнутыми врасплох. И собравшиеся земцы-конституционалисты приняли коллективное решение прекратить любые провозглашения конституционных требо-

ваний и заявлений в виду начавшейся войны. И решение это мотивировалось патриотическим подъёмом в стране, вызванным войной. Убеждён, что и теперь история повторится.

Петр Иванович, стройный, благородный, с осанкой мраморного изваяния, был так убедителен, что в его уверенные слова трудно было не поверить. И всё-таки Михаэль возразил:

– И, тем не менее, та война породила революцию.

– Эта не породит! – с той же непоколебимостью в голосе ответил Петр Иванович. – Всё дело в том, что та война довольно затянулась, да и Англия с США сразу заняли сторону Японии. Франция, хотя и была недовольна действиями Японии, начавшей войну, ибо была заинтересована в России, как в своей союзнице против Германии, всё же подписала, подлое «сердечное соглашение» с Англией. Нынче же и Российская Империя, и Великобритания, и Франция входят в один блок – «Антанта», а такой расклад сил говорит о том, что война действительно закончится за несколько месяцев благодаря решительным наступлениям с нашей стороны. И победа, я уверен, лишь укрепит монархию в России. Война закончится блистательным концом!

– Дай Бог, дай Бог, Петр Иванович, – сказал Алексей Валерьевич. – Полагаю, так рассуждает и Государь. Победа в войне действительно усилит его позиции и обеспечит передачу власти цесаревичу Алексею.

– Это архетип режима, осознающего свою слабость, – тя-

жело вздохнул Михаэль.

– Превентивная война – это самоубийство, совершённое из страха перед смертью, – процитировал Алексей Валерьевич Отто фон Бисмарка.

Однако ни Алексей Валерьевич, ни Михаэль, ни кто-либо другой в мире ещё не знали какие невероятные усилия принимал император Николай Александрович, чтобы удержать Европу от этой войны. Он один призывал Вильгельма II вынести сербский вопрос на Гаагскую конференцию, но Вильгельм не ответил на его телеграмму. Он не объявил войну Германии после хамской реакции на укрепление внутренних границ: «Через 12 часов российская мобилизация должна быть отменена», и тогда Германия сама объявила войну России. И даже тогда, после нанесения первых ударов, Николай Александрович ещё верил в разум Вильгельма и отправил ему ещё одну телеграмму. Но Вильгельм снова не ответил.

– А впрочем, от судьбы не уйти и на всё воля Всевышнего, – констатировал Алексей Валерьевич. – Затем разрешите откланяться. Я имею больше желания провести этот вечер с супругой, чем в разговорах о неизбежном, чего, милостивые государи, и вам желаю.

Алексей Валерьевич и Андрей покинули кабинет. Следом за ними ушёл и Егор. Поселив своего друга Игоря Игнатова у Фаруха, он сразу же поспешил домой. Неожиданный приезд Михаэля напугал его, он сразу понял – случилось несчастье.

Егор был в кабинете Петра Ивановича на протяжении всей беседы, но на него никто так и не обратил должного внимания. Он был ещё слишком молод и неопытен, оттого-то его не замечали, совсем не задумываясь, как это равнодушные может ранить пылкого юношу. И потому, раздосадованный на своих близких он, как можно скорее сбежал к Игорю, единственному другу, который всегда рад был принять его и выслушать. Другу, который видел в нём взрослого человека, надежного, ответственного товарища, чуткого и отзывчивого, а вовсе не наивного несмышленища. И Егор был уверен, Игорь, как никто другой верит в него и никогда не обделит своим вниманием.

От Егора и Игорь узнал о начавшейся войне. Известие это его огорчило, и вовсе не тем, что война повлечёт за собой человеческие жертвы, а тем, что он, как и вся либеральная оппозиция, боялся в этой войне победы. Победа могла бы упрочить положение царского правительства и исключить в обозримом будущем реализацию мечты как думских либералов о формировании своего правительства, так и радикалов о революции.

Ну, а в усадьбе отсутствия Егора никто и не заметил. И никто из семьи Сенявиных не мог тогда знать, что именно в этот день между ними и Егором образуется настоящая пропасть, перепрыгнуть через которую будет уже невозможно.

А Петр Иванович, ничего этого ещё не понимавший и, оставшийся в кабинете с Михаэлем вдвоём, снова завёл ду-

шевный разговор.

– Когда ты узнал об объявлении войны? – спросил он, не скрывая печали.

– О том, что война будет, я понял сразу, как только узнал, что Австро-Венгрия объявила мобилизацию и начала сосредотачивать свои войска на границе с Сербией. На следующий день я принял решение привезти семью к тебе. Я хочу просить тебя приглядеть за ними покамест война... – и Михайэль поперхнулся при этом слове. – Покамест всё это не закончится. Оставив их одних в Петербурге, я был бы менее спокоен.

– Нечего и спрашивать! Ты принял верное решение, – ответил Петр Иванович.

– А понимание неизбежности участия России в войне достигло меня стремительнее, чем я ожидал. Мы едва успели подготовиться к отъезду, а из Петербурга в штаб военного округа уже пришла депеша с распоряжением начальника мобилизационного отдела ГУГШ, оттуда полетела команда в штаб дивизии, а вскоре я получил пакет с таким содержанием: «Секретно. Полку объявляется мобилизация». Известие об ультиматуме Германии я получил телеграфом уже в Воронеже. И вот сегодня нам объявлена война.

– Как же ты сумел вырваться?

– Проездом, Петя, всего на несколько часов.

– Андрея с Алексеем Валерьевичем тоже ты предупредил?

– Да, еще двадцать шестого июля.

– Знаешь Миша, о чём я жалею? О том, что не могу принять участия в этой войне.

– А знаешь Петя, о чем жалею я? О том, что не имею возможности в войне этой участия не принимать.

И впервые за многие годы, Петр Иванович увидел в глазах друга слёзы.

Глава 2.

Утром следующего дня, ещё до восхода, в доме Сенявиных все были на ногах. Провожали Михаэля. Он быстро и скупно, стараясь не выказать лишних эмоций, попрощался и поспешил к поезду. Уже скоро он помчится в сторону фронта, в расположение полка. Прежде чем сесть в карету он на мгновение замер и оглянулся.

«А ведь я могу больше никогда не вернуться сюда, никогда не увидеть этих милых людей, и эту полоску розового рассвета над парком», – подумал он.

Эта секундная слабость разозлила его. Он не хотел чтобы такие мысли появлялись в голове. Они могут убить солдата раньше пули. Михаэль тряхнул головой, и запрыгнул в экипаж. Кучер, заметив настроение барина, щёлкнул кнутом и помчал во весь опор.

Алексей Валерьевич и Андрей, вышедшие проводить Михаэля, молча переглянулись и пошли в дом.

Все женщины стойко восприняли известие о начавшейся войне и старались ничем не выдавать своей тревоги. Особенно спокойной казалась старшая княжна Вера. Она сидела в гостиной за фортепьяно и её пальцы чуть медленнее, чем обычно касались клавиш. Из-за этого «Лунная соната» получалась грустнее и глубже, словно между тактами скрывалась невысказанная тревога. В третьей части сонаты, когда

адажио шептало о том, что всё сказано и душа опустошена, из кабинета её отца вышел Андрей и Алексей Валерьевич.

– Как ты спала, Вера? – спросил Андрей, не обращая внимания на музыку. – Здорова ли? Ты очень бледна.

– Не говори со мной будто я ребёнок, Андрей. Оставь это для Ксюши, – ответила Вера, продолжая играть.

Последние такты сонаты начали наполняться величественной силой, она взяла привычный темп, и, не отрывая от клавиш глаз, в которых блеснули слёзы, обратилась к Алексею Валерьевичу:

– Как вы полагаете, солдаты действующей армии уже мобилизованы?

Этот вопрос волновал сейчас Веру едва ли не больше всего остального. Ведь в действующей армии уже два года нёс службу Митька, её тайный возлюбленный, и мысль о том, что теперь в любой день он может погибнуть, приводила Веру в отчаянье.

– Разумеется, – сухо ответил Алексей Валерьевич.

Он по-прежнему недолюбливал Веру. Как и в первый день их знакомства, чувствовал в ней скрытую угрозу. И приобретённое родство с ней не сгладило этого первого впечатления. Он, умный и опытный, не верил, что Веру может хоть что-то изменить, но слёзы в её глазах изумили его.

Следующим провожали Андрея. Вера обняла брата и перекрестила, заклиная вернуться. Она поддерживала мать и сестру, подавленную прощанием с супругом. Ведь Ксю-

ша даже помыслить боялась, что однажды ей снова придётся расстаться со своим Алексеем. Она так сильно любила его, столько усилий стоило ей доказать искренность своих чувств. И вот, когда счастьем их ничего не могло больше помешать, пришла война. Как же так? Неужели этому их счастьем был отведён всего лишь год? Безутешная, как в бреду, Ксюша повторяла:

– Только вернись! Милый, любимый, родной мой, единственный мой! Я буду безуданно молиться за тебя, каждый час и каждую минуту! Моё сердце будет биться только до тех пор, пока бьётся твоё! Береги себя для меня! Мне нет без тебя жизни! Меня без тебя не станет, слышишь?

Сердце Алексея Валерьевича рвалось на части. И крепко сжимая её тоненькие пальчики, он твердил:

– Я вернусь! Главное жди меня, и я обязательно вернусь к тебе.

И через закрытую дверцу кареты они прижали к стеклу свои ладони и, не сдерживая слёз, молили Бога лишь о том, чтобы скорее увидеть друг друга вновь.

«Господи, прошу, пусть он вернётся! Что хочешь бери у меня взамен, только пусть он вернётся!» – молила про себя Ксюша.

«Господи, прошу, сохрани мне жизнь! Что хочешь бери взамен, только бы ещё хоть раз увидеть её!» – молил про себя Алексей Валерьевич.

И молитвы их будто переплетались в воздухе. Они даже

не догадывались, что этот день разделяет их жизни на две части, на «до» и «после», на мир и войну, которая для них никогда уже не кончится.

А на железнодорожном вокзале Воронежа уже всё перемешалось — люди, голоса, плач и песни, гудки паровозов, стук колёс и наставления стариков. Железная дорога была забита двигавшимися во всех направлениях эшелонами. Везли призванных на царскую службу из запаса, перевозили мобилизованных лошадей и тонны фуража. Со складов в срочном порядке выдавались боеприпасы, амуниция и снаряжение. Здесь особенно остро ощущалось, что в одно мгновение привычное течение времени было нарушено, что мир поделился на две половины: теперь и «до войны».

Андрей шёл по перрону с трудом пробираясь через толпу мобилизованных солдат и провожающих их жён с малыши ребятишками, родителей, сестёр. Его и самого провожали отец и Егор. Петр Иванович запретил ехать на вокзал женщинам, считая, что бойцу ни к чему уезжать на фронт в сопровождении слёз и рыданий.

— Сегодня стало известно, что Германия объявила войну Франции, а Бельгия ответила отказом на ультиматум Германии, и та незамедлительно объявила войну ей, — сказал Петр Иванович.

— Я убеждён, что такой масштабной войны Германия не осилит. Я несколько не сомневаюсь, что победа наша будет скорой. Вот увидишь, отец, листья с деревьев не успе-

ют опасть, как наша армия войдет в Берлин, – ответил Андрей. – Уровень нашей армии сейчас весьма высок. Артиллерия у нас, и малых, и средних калибров, отличная. Вот и покажем всему миру насколько современно хваленое германское вооружение.

– Это так Андрей, но не стоит забывать и о том, что по тяжелой артиллерии наша армия существенно отстаёт от германской. И это не считая миномётов.

– Миномётов?

– Михаэль говорил, исходя из сведений разведки, разумеется, что у германцев есть такое оружие – миномёт. У нас же на вооружении ничего подобного нет.

– И всё-таки, наша армия очевидно сильнее.

– Такими бойцами, как ты, мой дорогой сын, – улыбнулся Петр Иванович.

Уже возле своего синего вагона, Андрей увидел в толпе людей знакомое лицо.

– А ну стой! – крикнул он и подбежал к юной, рыжеволосой девушке, схватив её за руку. Это была Злата.

– Откуда ты здесь? – спросил Андрей.

– Батя велел своим работникам взять подводы и отвозить солдат до вокзала, чтобы сами не шлёпали. Вот я с Тишкой и увязалась, – ответила Злата.

– Наш пострел везде поспел, – заулыбался Петр Иванович, погрозив крестнице пальцем.

Злата же, пристально глядя на Андрея своими кошачьими

глазами, с обидой в голосе сказала:

– Эх ты, барин! Даже не заглянул попрощаться.

– Виноват я, золотая, верно. Но даю слово, когда вернусь с войны, первым делом к тебе приеду!

Злата смело бросилась к Андрею на шею и шепнула на ухо:

– Да какая разница к кому, ты только возвернись! Обязательно возвернись!

Отпустив Андрея, Злата сделала шаг назад и наткнулась на цыганку.

– Милого провожаешь, медовенькая? – спросила она, сверкнув черными глазами. И взяв Андрея за руку прошипела:

– Бойся третьей пули. В ней смерть твоя.

И все четверо, они встали, как замороженные ничего не ответив цыганке. А та исчезла в толпе, словно её и не было.

– Отправляемся, барин! – разбудил Андрея голос проводника. И тут же он оказался в крепких объятиях Златы, Егора, Петра Ивановича, на перебой говоривших ему:

– Бей их там, Андрейка! Эх, и мне бы с тобой, – досадовал Егор.

– Если узнаю, что ты позволил себе смалодушничать, ты мне не сын, Андрей! Так и знай! Но и без ума голову в пекло не суй!

– Отец! – со слезами на глазах, Андрей крепко обнял Петра Ивановича.

Но тот, будучи ребенком, не знавший отеческой любви, не знавший сыновей привязанности, принял эти объятия за слабость, и так сурово посмотрел Андрея, что он оторопел.

– Не смей! – строго сказал отец сыну.

Он заставил Андрея обернуться и посмотреть на солдат, среди которых было множество таких же юных и неопытных мальчишек. И всех их ждало одно – война, в которой все они не имели права на слабость. Но поразило Андрея другое. Его поразило и одновременно возмутило то, в каких условиях должны были ехать на фронт солдаты, защитники отечества. Многие были старше Андрея, герои русско-японской войны, они, как скот заходили в душные, общие и товарные вагоны, в которых не было не только сидячих мест, но и окон. А ему, восемнадцатилетнему юноше, не важно, что дворянину, предназначалось роскошное личное купе.

«Нет, – подумал Андрей. – Нельзя так относиться к солдату. Нельзя, чтобы уже на вокзале между солдатами и офицерами образовывалась такая пропасть. Как же возможно допускать такое в пресвященном обществе? Такая несправедливость разве может кончиться добром?»

– Ступай же! Ступай! – прервал мысли Андрея отец, встряхнув его за плечо.

Повсюду выли бабы, обнимая и целуя своих мужей и сыновей. И тут, не выдержав этого плача, Злата, оглядевшись по сторонам, громко и с укором сказала:

– Ну, что завыли?! Что завыло-то?! Аль уж убили кого?

И толкнув в бок рядом стоящего мальчонку с гармонью,
громко запела:

В путь дорожку дальнюю

Я тебя отправлю,

Упадет на яблоню

Алый цвет зари.

Подари, мне, сокол,

На прощанье саблю,

Вместе с вострой саблей

Пику подари.

Злата очень хотела, чтобы эту её песню услышал Андрей.
Чтобы не было ему невыносимо грустно. И моментально эту
песню подхватил и мальчонка с гармонью, и бабы на перро-
не, и солдаты в вагонах. Весело они запели, будто вовсе и не
на войну уезжали:

Затоскует горлинка

У хмельного тына

Я к воротам струганым

Подведу коня.

Ты на стремя встанешь

Поцелуешь сына

У зеленой ветки

Обоймешь меня.

Хриплозагудел паровоз, и медленно застучали колеса.
Андрей услышал песню, увидел в окно своего роскошного
купе, как поёт её Злата, и на лице его появилась грустная

улыбка. Он смотрел на неё и не мог наглядеться. Долго ещё закрывая глаза, Андрей будет вспоминать её. Вспоминать её рыжие волосы, зелёные глаза, нежно-голубое платье и озорную улыбку. А ещё эту песню, крепко запавшую в душу:

Стану петь я песни,
Косы я расправлю,
Пуще всех соколиков
Сокола любя.

Да с дареной пикой,
Да с дареной саблей
Мимо всей станицы
Провожу тебя.

Так летай ты, сокол,
Всех быстрее, да краше.
За Кубань, за Родину
Отличись в бою.
Пусть тебе, мой сокол,
На прощанье наше
Ветер вслед уносит
Песенку мою.

Глава 3.

«Господи, услышь молитву мою, внимли молению моему по истине Твоей, услышь меня по правде Твоей; ибо не будет прав перед Тобой ни один живой человек. Стал преследовать меня враг мой, поверг на землю жизнь мою. Он посадил меня во тьму, как давно умерших, и пришла в уныние душа моя; во мне смутилось сердце моё. Я простираю к тебе руки мои: душа моя жаждет Тебя, как иссохшая земля дождя.

Скоро услышишь меня, Господи! Изнемогает дух мой: не отвращай лица Твоего от меня, чтобы мне не уподобиться нисходящим в могилу. Укажи мне Господи путь, по которому я должна идти, ибо к тебе возношусь я душою.

Ради славы имени твоего, Господи, оживи меня, избавь от скорби душу мою. И по милости Твоей истреби врагов моих, притесняющих меня, ибо я раба Твоя есмь».

Вера стояла в самом отдаленном уголке Задонского собора Владимирской Богоматери и шёпотом, сквозь слёзы, произносила слова молитвы. Так отчаянно молилась она нынче, как никогда прежде.

В церкви, она всегда уходила, как можно дальше от своих родителей и сестры, ведь церковь была единственным местом, где Вера не могла прятать своей тоски. Никто и никогда не должен был видеть слёз этой холодной, надменной королевы. Но в последний год она плакала особенно часто, и все

эти слёзы было по Митьке. Вера была слишком умна, чтобы не понимать, что уходя в армию, Митька уходил от неё. Что он не любит её.

За все те два года, что Митька был в армии, он не написал ей ни одной строчки, ни одного слова. Но почему? Почему так малодушно оставил её, ничего не объяснив. Вера искала и находила десяток причин, и все они были в ней. Но ведь она трепетно хранила свою любовь, берегла её, готовая пойти на любое преступление, только бы их хрупкое счастье не было разбито. Она готова была пойти, и шла, на многое, не гнушаясь ничем. Да, она уже много страданий принесла людям угрожающим их любви и принесёт ещё, если понадобится. Но выходило, что этого мало.

Сейчас наедине с собой и своими мыслями, Вера признавала все свои грехи, и понимала, что час расплаты настиг её.

«Господи, прости!» – просила она про себя. Но лики святых так пристально и укоризненно смотрели на неё со стен древнего собора.

Вера хотела не думать обо всём этом, чтобы не мучиться терзаниями, жалела, что не родилась глупышкой, что подаренный природой ум не позволял оставаться в неведении. Она понимала, ей стоило бы ненавидеть Митьку за такое малодушие, за равнодушие, но ничего не выходило. Она слишком сильно любила его. И если бы по мановению волшебной палочки он оказался сейчас рядом, Вера, не раздумывая, бросилась бы ему в ноги. И ненавидя себя за слабость, она

не переставала мечтать об этом. Но его не было рядом, и, может быть, никогда уже не будет. И всё-таки, в целом мире для Веры не было никого ближе её Митеньки, его ясных васильковых глаз.

Потупив взор перед образами, будто в бреду, Вера твердила его имя, и не в силах сдержать слёз, тихо плакала, плакала, плакала.

А перед иконостасом стояли юные барыни Ксюша, Натали и Злата, и им тоже было о чём переживать, и им было о ком молиться, но они позволяли себе отвлекаться и, щебеча друг с другом, обсуждали последние новости.

В отличие от своих новых подруг, Натали была в Задонском монастыре впервые, и её поражало здесь всё. Ещё при входе в монастырь её поразила, представленная взору чудная панорама зданий, симметрично со всех сторон обрамляющих просторный монастырский двор, посреди которого красовались – к востоку зимняя церковь Рождества Богородицы, а влево пятиглавый величественный собор во имя Владимирской Богоматери. Этот пятикупольный, трехэтажный, восьмипрестольный храм завораживал своим великолепием. Поражала воображение Натали, и находящаяся справа от алтаря в резном киоте Владимирская икона Божьей Матери.

– Это храмовая икона, небесная игуменья монастыря, его святыня и защитница. Это список той самой чудотворной иконы Владимирской Божьей Матери, принесённой на берег Дона основателями Задонской Богородицкой обители, стар-

цами Кириллом и Герасимом, – прошептала Натали Ксюша.

– Да-да, я знаю, – ответила Натали. – Я читала, что этот образ писан на доске Корсунской иконописью. Как же невообразимо она красива, да ещё а этой вызолоченной ризе с жемчугами. Я и не чаяла увидеть её воочию.

Натали имела прекрасное домашнее образование, поэтому отлично разбиралась и в иконописи. И эта преданность православию у неё, немки, легко объяснялась не только русской няней, но и атмосферой духовной жизни окружения, в котором она росла и, в котором ей предстояло жить в дальнейшем, где вечной занозой сидели и лютеранское прошлое её отца и его родословная.

– Тише вы, цокотухи! – прошептал девушкам Митрофан Спиридонович и, повернувшись к Петру Ивановичу сказал: – Австро-Венгрия объявила нам войну!

– Знаю, – со вздохом прошептал в ответ тот.

– А Егор ваш где? – снова обратился с вопросом к Петру Ивановичу Митрофан Спиридонович.

– В Воронеже.

– Я слышал, уж дюже он к Фаруху зачастил. С чего бы это? Али болен?

– Бог с тобой, голубчик! У Фаруха дочь растёт, быть может, поэтому. Твой Арсений, Митрофанушка, тоже к нашей Вере зачастил.

– Хм, хорошо бы, если б Егор к Полине заживал. А то готарют, кубыть человек новый у нас в Богоявленском по-

явился. Знать его никто не знает, то исчезнет куда-то, то опять появится, а харчуеться у Фаруха.

– Мнительный ты стал, Митрофан Спиридонович.

– А то как же? Нонечя не спокойное времечко настало – война.

– Ну, хорошо, проверь. Только тихо, не как с тем Садилеком, что б его...

– А, что про Сеньку мово заприметил, то верно, – лукаво прищурил глаза Митрофан Спиридонович. – Люба ему Верушка ваша, дюже любя. А могёть чего и сладится между ними?

Но Петр Иванович при словах этих только нахмурился и строго заметил:

– Не высоко ли берёшь, милейший?

– Я что? Знаю только, раз полюбил Сенька, так не отворотится. А коли так, так я никаких денег не пожалею. Нам и приданного не надобно, у самих всего хватает.

– Хватает, знаю. И откуда хватает, тоже знаю, – грозно повёл бровью Петр Иванович. – И, что в приданное титул княжеский взять желаешь, знаю. Да только не забывай место своё, как и происхождение. А то ведь я напому.

– Тише вы, цокотухи, – надула пухлые губки, обращаясь к отцу и Петру Ивановичу, Злата. Но, не сумев сохранить строгий вид, рассмеялась.

Петр Иванович улыбнулся крестнице и обернулся на Веру, но той уже не было в соборе. Ступая по паперти, она

раздавала милостыню нищим, а с разных сторон доносились призывы идти на призывные пункты и восторженные возгласы множества добровольцев в ответ. Отовсюду несло:

– Да здравствует Россия! Да здравствует славянство!

Но Вера, охваченная своей печалью, не обращала никакого внимания на этот шум, пока не услышала вдруг тихое:

– Храни тебя Господь, Вера Петровна!

Обернувшись, она увидела грязного, одетого в лохмотья старика с длинной бородой и включенными волосами.

– Откуда ты знаешь моё имя, старик?

– Все знают красу губернии, княжну Сенявину. И я знаю. Я всё знаю.

– И что же ты про меня знаешь? Что богата и беззаботна? Верно, да только и в богатстве случается, что счастья нет. Настолько нет, что даже к молитве я охладела, что безучастье поглотило. И ничего не хочется делать.

– Как сказывал святитель Феофан Затворник, есть два охлаждения, воспитательное – это когда человек проходит духовное «обучение» по ступеням духовного возрастания. Господь даёт такому человеку урок, помогает проявить свободную волю в исполнении духовного делания, коему он перед этим обучается, читая святоотеческие книги, что любовь ко Христу испытывается противностями. Но бывает и другое охлаждение – наказательное. Оно напускается за осуждение, надмение. И тогда отступает благодать святого Духа и человек познаёт свою немощь, какой он есть на самом деле.

Ежели он думал, что он хороший, что он высоко поднялся, то тут вдруг видит, что он и нищ, и слеп, и наг, и беден, как все те, над кем он превозносился.

Вера внимательно слушала старика, и лицо её становилось все строже, а глаза всё печальнее. Не боясь испачкать шикарного платья, она села на корточки перед этим нищим, дурно пахнущим, но необычайно грамотным человеком и участливо спросила:

– Что же делать тогда?

– Молиться и понуждать себя на трудночество, бороться со своими страстями, каяться в том, в чём согрешила и, смирившись до зела и испросив помощи у Бога, исполнять послушание и поступать по заповедям, ведь каждая заповедь – это путеводная звезда, луч света.

– Верочка, мы уезжаем.

Над Верой стояла изумленная Ксюша. Она не узнавала своей сестры, ведь прежняя Вера и близко не подошла бы к этому нищему, оборванному бродяге. По всему было видно, что начавшаяся война слишком сильно изменила людей. Но хорошо это или плохо, ещё никто не понимал.

– Чем я могу помочь тебе, старик? – спросила Вера.

– У каждого свой путь в жизни. Мой определён и другого не надобно.

– Тогда помолись за меня, – сказала Вера и на прощание оставила старику ещё несколько монет.

Домой девушки возвращались в одной карете, не желая

всю дорогу слушать разговоры отцов о политике и войне. Одетые по последней моде, они без умолку болтали о Петербурге и общих знакомых.

Натали тянулась к Ксюше и даже завидовала, ведь сама она, угловатая четырнадцатилетняя, не обращала на себя особого внимания, а расцветающая с каждым днём природная красота шестнадцатилетней, набравшейся любовного опыта в замужестве Ксюши, никогда не оставалась незамеченной. Казалось, во всём мире не было девушки милее, очаровательней и обворожительней чем Ксюша.

Их щебет прервал вопрос Златы:

– А скажи Вера, что ты нынче читаешь?

– Библию, – небрежно бросила Вера.

– Хм, а я вот покамест мало забочусь о спасении своей души. Должно быть мало грешу, – с нескрываемой издёвкой сказала Злата. – Я вот прочла Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Не пойму никак любви купчихи. Всё одно, если б княжна влюбилась в конюха, а он бы её к тому же и бросил.

Вера тоже читала Лескова и просто кожей чувствовала, как насмехается над ней эта злая рыжеволосая девчонка, так и не простившая ей несправедливо нанесенного позора сестре Глаше. Но Вера промолчала в ответ, ничем не выдав своего положения. А удовлетворенная своей маленькой мстью Злата, громко крикнула кучеру:

– Останови! Я к батю пересяду.

И прежде, чем захлопнуть за собой дверцу кареты, доба-

вила:

– А поделом ей, купчихе-то!

Удивленная произошедшей сценой Натали, вопросительно посмотрела на Ксюшу. Та тихо ответила:

– Странно, что она вообще села с Верочкой в одну карету.

Да, Злата не умела прощать. Поэтому не забыла давнюю обиду, нанесенную своей семье. И ничто не могло изменить этого её внутреннего уклада. К тому же, Злата была ещё и очень мстительна, о чём стоило помнить всем её врагам.

После этой поездки в Задонский собор, всё в голове Веры перемешалось, и её отчаянные молитвы, и пронзительные слова старика на паперти, и этот издевательский укол Златы. Вера спрашивала: «Господи, за что это отчаянье попущено мне? За какой-то грех? Или для того, чтобы я проявила перед Тобой своё усердие, и на деле показала, с каким старанием я буду проявлять образ жизни такой, какой угоден тебе, а не такой, какой угоден моей плоти, моему самолюбию и страстям?»

Но осознание того, как во многом и перед многими она виновата, само собой подсказывало ответ. Вдруг Вере послышался голос Пабло, шепчущий, что час расплаты настал и, что Богу не угодно её счастье.

Вера зажала уши, чтобы не слышать этого голоса, и тогда перед глазами её проскользнула тень. От ужаса руки её похолодели, а ноги подкосились.

– Твой Митька к тебе не вернётся, – продолжал шептать

голос. – Не вернётся.

– Не вернётся, – повторила Вера.

И тихонько, чтобы никто не увидел, Вера забрала из буфета все снотворное и заперлась в своей спальне.

Глава 4.

Находясь под влиянием просьб Франции, и выполняя данное ей обязательство, Главнокомандующий русской армией Великий князь Николай Николаевич предписал генералу Жилинскому перейти границу Восточной Пруссии на четырнадцатый день мобилизации. В результате, первого августа, Первая армия генерала Ренненкампаффа тронулась пешим порядком, так как перевозка армейских корпусов, хотя бы к границе с Германией, на железнодорожном транспорте, российскими стратегами вовсе не была предусмотрена. И потому, уже трое суток, совершая многокилометровые пешие марши, шли на неприятеля русские солдаты. Шла и 27-ая пехотная дивизия Третьего армейского корпуса, в которой служил Чадин Митька.

– Два дня уж идём. Это ж, по сколько мы вёрст в день натаптываем-то? Двадцать пять, а может и все тридцать? Как думаете, Дмитрий Гаврилыч? – спросил старый солдат.

– Не знаю, рядовой. Видать так, – ответил немногословный Митька.

– Вы-то до мобилизации два года в армии прослужили, вона до ефрейтора дослужились. Потому вам и легче. Да и молодой вы ещё, здоровый. Вам ведь, поди, годов двадцать пять?

– Двадцать два.

– Во! А мне уж далеко за сорок. Конечно, для запасных солдат, таких, как я, отвыкших от походов, такой путь тяжеловат.

– А ты, как в дивизии-то оказаться успел? А, рядовой Михайлов? Мобилизацию-то, считай, только объявили.

– А так и успел. Вот жил бы подальше от нахождения дивизии этой, глядишь и не поспел бы.

– Так оно же хорошо, что близко. Задашь немчуре, как следует. А то из Сибири-то, какой-нибудь, куда бы доехал, уж их всех побили б. Ни одного тебе не осталось бы.

– Так уж и не осталось бы?

– А то? Мы им вмиг покажем почём фунт лиха. Будут знать, как на Русь-матушку кидаться.

– Ох, господин ефрейтор, хорошо бы, если так. А то переходы эти из меня всю душу вымотали.

– Ладно, Михайлов, скоро остановка на ночлег, чуток передохнём.

Но добравшись до ночлега, боевые товарищи поняли, что поспать им этой ночью не доведётся. Оба они получили приказ идти в сторожевое охранение, в дозор.

– Вот и отдохнули, мать его ети, этот дозор, – тяжело вздохнул старый солдат Михайлов. – А вы господин ефрейтор, как не взгляну, спокойный, как будто и не на войну идёте. Неужто и не страшно вам вовсе?

– Не знаю. Я и не понял куда.

– Эээ, это потому, что войны не знаете. А я вот нагляделся

в японскую. Как вспомню, ажник коленки трясутся. Да-да, страшно мне и сказать об этом не совестно. Вот и болтаю потому много.

– Не бойсь, – смело ответил Митька.

– Как же? Вот, как убьют нас с вами Дмитрий Гаврилыч и всё, конечно. Да добро бы хоть сразу, чтобы без мучений.

– Да будя каркать, Михайлов!

– Вот посмотрю я на вас, как не обнимите вы мать с отцом, да невесту не поцелуете, – всё не унимался старый солдат.

– А у меня, Михайлов, ни матери с отцом нет, ни невесты. Всю жизнь с сестрой вдвоем.

– Сирота, значит. А невесты чего ж нет? Парень-то вы видный. Не хорошо это. Я вот помню, как сам, таким же парнем, увидел свою Акулину, так и пропал. А теперь у нас пятеро ребятишек. Как представлю, что не увидать мне их боле... – И закрыл старый солдат лицо большими, натруженными руками, пряча рыдания. Потом вытер слёзы, махнул рукой и замолчал, вспоминая свою Акулину, да детишек. А Митька, сквозь надвигающуюся тьму, внимательно смотрел на его седую бороду, взъерошенные волосы и глубокие морщины на загорелом лице, и, что-то защемило в груди. Вспомнил он своих богоявленских мужиков, родные поля и тёмные воды Дона, вспомнил своих друзей, сестру Машу, которой за два года не написал ни одного письма. А вдруг и впрямь убьют его, и не увидит он больше её лица, которое уже начал забывать.

На третий день пути, вечером шестнадцатого августа, части Первой русской армии подошли к германской границе и в первый раз, где-то вдали, Митька услышал орудийную канонаду.

— Ну, что мужички, видать к утру понюхаем пороху.

Митька поднял голову и увидел над собой пышноусого вахмистра на лихом скакуне.

— Это куда же с нами кавалерия? — спросил Михайлов.

— Это Сёмка Будённый из нашего корпуса, Донской девятнадцатой казачьей сотни, — сказал рядом стоящий рядовой.

— Слышал про него. Наездник знатный. Говорили, в офицерскую школу его отправили.

— Да, тепереча обучает молодых драгунов, да за деньги выезжает лошадей для господ старших офицеров. Дельце-то это прибыльное. Что там, Михайлов, с такими орлами неужто проигрывают битвы? Так, что не лыком мы шиты.

— Дай-то Бог!

— А слышал ли ты, рядовой Михайлов, чей корпус русской армии показывал самый отличный результат в стрельбе? Наш — третий, — с гордостью сказал Митька. — Ты вот послухай ещё, как я служил. Нами тогда генерал Ренненкампф командовал. Такой мужик, ух! У него, помню, мундир эдакий был, Забайкальского казачьего войска. Его ему пожаловали за боевые отличия, и лампасы, желтые такие. Дык мы его за энти лампасы и норов крутой «жёлтой опасностью» прозвали. Так вот наша двадцать седьмая дивизия в Вилин-

ской губернии стояла, возля станицы Подбродзе. Мы подымались в пять утра, потому, как в шесть должны были открыть огонь по своим мишеням, а до стрельбища -то ещё полчаса пёхом шуровать. А Ренненкампф, он нашу дивизию дюже любил, потому, как высоко мы стояли и по стрельбе и по строевым успехам. Гутарили, кубыть сам Государь генералу нашему строго наказал выбивать на стрельбе много «сверхотличного». А уж как расхваливались роты, выбивавшие сверхотличную оценку, это и словами не сказать. Командиры по службе выдвигались. А уж, как энти соревнования дух солдатский поддерживали, что ты. А усталость на нас накатывала только, как стрельбы оканчивались, когда надобно было возвращаться с ротой со стрельбища в лагерь, а так ни-ни, держали себя строго.

– Как вспомню, были дела у нас... Ротами сшибались на учениях. Ренненкампф тогда отличившегося командира роты называл «королём наступления», а того, который больше сверх «отличного» выбивал – «королём стрельбы», – поддержал Митьку сослуживец. – А сколько было в лагере в зимнее время таких «наступлений» и «оборон», и днём и ночью, и на учениях, и на смотрах...

– Да разве с такой армией, да с такими генералами не надаём мы немчуре по шее? – снова вступил в разговор Митька. – Эгей, знай наших! Пришли не званы, и уйдут не ласканы!

Митьке очень хотелось подбодрить старого солдата Ми-

хайлова, да и сам он настолько верил в силу своей армии, что совершенно искренне был уверен, что война эта ненадолго и, что побит враг будет в ближайшие недели. От того речь его была горячим ключом. И Михайлов, всеми сказанными словами глубоко проникся и сделался немного бодрее.

Утром семнадцатого августа, совершив три усиленных перехода без дорог, первая русская армия стала переходить границу. Из-за отсутствия координации левофланговый 4-й корпус пересёк границу на шесть часов позже центрального 3-го корпуса, среди бойцов которого был Митька, тем самым открыв его фланг. Таким образом, между корпусами образовался разрыв в двадцать вёрст, а начальник 3-го армейского корпуса генерал Епанчин не счёл нужным предупредить об этом 27-ю пехотную дивизию, шедшую в обстановке полной безызвестности слева.

Дивизия подверглась внезапному огневому нападению и короткому удару. Из усадьбы, за которой по старой маневренной привычке укрывалась Митькина группа, стало видно, что немцы особенно упорно бьют своей артиллерией по отдельным зданиям. От точного прицельного огня немецких батарей разлетались в клочья сараи и небольшие здания, в которых укрывались такие же бригады. Набрав побольше воздуха в грудь, Митька сорвался с места и бросился вперёд, увлекая за собой остальных бойцов.

Едва успев пробежать всего несколько метров и громко крикнуть: «За мной православные! За Русь! За славянство!»,

Митька упал на землю от неожиданно ударивших ему в спину осколков и камней, летящих во все стороны. С трудом подняв голову, он обернулся и с ужасом обнаружил, что от усадьбы, за которой укрывалась группа, осталась лишь груда кирпичей. Не стало рядового Михайлова. Никого не стало. Лишь огонь от гранат полыхал в том месте, где только что находились живые люди, где еще несколько секунд назад находился и он.

Ничего не слыша и почти ничего не понимая, Митька попытался подняться на ноги, но, не владея своим телом, снова повалился на землю. А рядом с ним всё продолжали падать солдаты. Митька закрыл глаза и погрузился в, неизвестную до сей поры, тьму. И вдруг, в этой тьме, послышался ему тихий, откуда-то сверху доносящийся голос сестры Маши. Ласково пела она:

Спит мой Митенька
До восхода солнышка,
До заката месяца.
Баю-бай, баю-бай.

Когда солнышко взойдет,
Роса на земь упадёт.
Баю-бай, баю-бай.

Роса на земь упадёт,
Тогда Митенька встаёт.

Баю бай, баю-бай.

Тогда Митенька встаёт
И на улицу пойдёт.
Баю-бай, баю-бай.

Глава 5.

Первые бои этой Первой Мировой Войны начались и тут же во всей стране, во всей необъятной Российской Империи прекратились забастовки, антиправительственные выступления. В каждом уезде витийствовали патриотически настроенные ораторы из местных жителей, тысячи людей записывались добровольцами на войну, и вся Россия превращалась в огромный госпиталь. Во дворцах открывались лазареты и производства перевязочных материалов. В одном из таких лазаретов оказался и Митька.

На начинающего Бог!

Вещанью мудрому поверьте.

Кто шлёт соседям злые смерти,

Тот сам до срока изнемог.

На начинающего Бог!

Его твердыни станут пылью,

И обречёт Господь бессилью

Его, защитники тревог.

На начинающего Бог!

Его кулак в броне железной,

Но разобьется он над бездной

О наш незыблемый чертог.

Молоденькая сестра милосердия читала раненым бойцам стихотворение Федора Сологуба, опубликованное в газете «День», и всё «стреляла» любопытными глазками на Митьку. Она мгновенно влюбилась в его мужественную красоту, в его ярко-васильковые глаза, опушённые густыми чёрными ресницами. Она влюбилась, как влюблялись многие девушки. Митька и сам часто увлекался, и даже проходя службу в армии, умудрялся заводить короткие романы. Но сейчас ему было не до них. Всё не шёл из его головы старый солдат Михайлов. Как это оказывается просто, забрать жизнь человека. Забрать вместе с мечтами, надеждами, невыполненными обещаниями. Забрать, не дав сказать прощального слова, не дав проститься с родными людьми. И, как они теперь будут без нег жить, его Акулина, да пятеро ребятишек? Неужто пропадать им теперь? И кого в этом винить? Ах, если бы он жили, где-нибудь далеко от линии фронта, где-нибудь в Сибири. Глядишь, покуда доехал бы до фронта, война бы и кончилась, и не случилось бы этой его гибели и не остались бы сиротками жена Акулина, да пятеро ребятишек.

Митька хоть и продолжал ещё верить, что война скоро закончится, что все эти смерти и лишения ненадолго, что побьёт русская армия врага, на душе всё-таки оставалось скверно. Нестерпимая тяжесть повисла на сердце, мучила обида за погибших товарищей.

– Эй, браток, – отвлёк Митьку голос с соседней койки. –

Ты живой? А то всё молчишь и молчишь.

— Я-то живой, — вздохнул Митька. — А вот товарищей моих дюже много полегло.

— Как звать-то тебя, браток?

— Родичи Митькой нарекли.

— А меня Яшкой. Да Митька, у этого чёртова Сталлупене-на много хлопцев головы сложили. Я сам в сто пятом Оренбургском полку воевал. Тепереча и не знаю, остался ли кто акромья меня в живых. Побил нас немец изрядно, аки цыплят пощелкал.

Митька внимательно слушал героя, оказавшегося в самом пекле того боя, и горящими глазами рассматривал, пытаюсь вспомнить, не видел ли его рядом с собой во время атаки противника. Но понять это было сложно, так как голова Яшки была перебинтована, а лицо сильно испорчено свежими шрамами.

— Энто да, досталось нашему корпусу, — согласился Митька с Яшкой.

— А всё из-за сволочюги Епанчина, — взорвался ругательством Яшка. — Столько хлопцев положил, и бой чуть не просрали. Погнали нас на убой в угоду генералов да полковников. Чтобы крестов они себе поболе навешали.

— Тише ты, Яшка!

— А что тише-то, Митюха? Я их не боюсь. Хватит, вдоволь уж в жизни своей набоялся народец наш горемычный. Будет с него, пора уже и голову поднять. Эх, Митька-Мить-

ка, в том-то и беда вся наша. Всё боимся правду смолвить, сами себя защитить боимся.

И всё-таки понизив голос, Яшка сказал Митьке:

– Ведь знал штаб корпуса, что наша сороковая, соседняя слева, дивизия опоздала на целый переход, и там, где они должны были быть, получилась дыра. Знали и не предупредили об этом.

– Брешишь! – возмутился Митька.

– Собака брешет, а я верно говорю. А немцы-то знали, вот и двинули нам в тыл.

И уже совсем тихо Яшка добавил:

– Измена.

– Ну, будя брехать, – снова возмутился Митька. – Что по дурости нашей россейской ещё поверю, а, чтоб измена... Брехня.

– Не слушай его парень, – послышался голос раненого бойца, услышавшего их разговор. – Не было никакой измены. А ты Яшка не мели чего не знаешь. На моих глазах дело было, когда адъютант полковнику нашему Комарову о движении немцев докладывал. А тот ему в ответ, какие, мол, немцы, что вы? Это же, говорит, наша сороковая дивизия. Ну, а уж, как немцы открыли огонь в тыл и фланг, тут же спохватились, да только поздно было. Полк-то уж дрогнул.

И немного помолчав, боец добавил:

– Митька прав, дурость это наша россейская, расхлябанность, шапкозакидательство. Огонь получился близкий, по-

тому и страшный такой. Отступали в беспорядке. И Комаров наш, наивный, только и успел крикнуть: «Знамя! Знамя! Спасайте знамя!». И сам пал, продырявленный пулями. Вот так. И знамя мы вынести все же успели.

– Вот видишь, Яшка, – обрадовавшись этим словам, сказал Митька. – Никакой измены не было.

– Знамя-то вы вынесли, а солдат сколько полегло, – вскочил в койке Яшка. – А кто не полёг, поди, в плен сдались. Да таких, небось, большая часть полка.

– Может, и сдались, да только ведь в окружение попали, – снова не согласился с Яшкой боец. – Да, и пленные будут и убитые, потому как война это, а не казаки-разбойники.

– А, всё одно, – махнул Яшка. – Всё из-за этих сволочей, крыс штабных. Срать им на нас! Поубивали и ладно, Русь большая, других пришлют. Мы для этих генералов не люди, так, говядина, пушечное мясо. Ведь полк наш, как формировали? В три дня мобилизовывали. Пополняли местными запасными из гор.

– Ты-то почём знаешь? – усмехнулся боец.

– Верно-верно, – поддержал Яшку Митька. – Воевал со мной один из местных. Хороший был мужик.

– Твой-то мужик, может, был и хороший, – всё не унимался Яшка. – А остальные? Жиды. Тыщи две еврейчиков. Поговаривали даже, что командир полка перед выступлением подал рапорт, потому, как полк из-за них сделался слаб. И прав был, какие из жидов вояки? Так и получилось, что

жиды эти, сукины дети, почти все в плен побёгли сдаваться, только бы не воевать. Ну, ничего-ничего, не далёк тот день, когда мужички наши, взявшие сейчас оружие повернут его куда надо. И война вот эта нам в помощь станется.

— Ну, будя тебе, Яшка! Не кипятись, как самовар, — попытался успокоить Митька. — Войну энту, мы к осени справим, вот поглядишь. И не всё офицерье сволочи такие, как ты гутаришь. Вот хучь вашего Комарова взять. Вот в сводках фронтовых доброе про него пишут. А сам погиб. Ну, или хучь начальник моей дивизии, генерал Адариди. Отбил же он удар.

— Э, Митька, — протянул Яшка. — Да ты и не слушаешь меня. Что не скажи, а мы, простая солдатня, всё одно для них не люди. Нас на убой гонят, что б орденов себе поболее навешать. Ты хоть знаешь, что дальше с нашей дивизией было?

— Нет, не знаю, — с грустью ответил Митька. — Ранило меня вскоре.

— Я знаю! — тяжело дыша, отозвался фельтфебель, лежащий на койке напротив Митьки, под самым окном. Вся левая часть его тела была перебинтована, и глаз, и рука с грудной клеткой, и нога.

Митька поднялся со своей койки и подошёл ближе к фельтфебелю, так как говорил он очень тихо, из последних сил. Митька даже почувствовал себя счастливым рядом с ним, ведь осколки от гранаты, ранившие его в спину, не задели позвоночник, и он мог ходить. Только лишь правую

руку он плохо чувствовал, но доктора обещали, что это ничего, до свадьбы заживёт.

– Я тоже из двадцать седьмой дивизии, – захрипел фельтфебель. – Все полки дрогнули. Но появился командир сотого и с ближними офицерами остановил отступление. Указал новую позицию, приказал окопаться. И немцев мы остановили. Поддали огонька. А остановилось только когда стемнело. Ох, и страх нас взял, когда мы огляделись вокруг. Всюду горящие деревни. Да, мы оставили взятый с большим трудом Герритен, но и немцы бой прекратили.

– Вы были там, господин фельтфебель? – спросил Митька.

– Был, – с трудом улыбнувшись, ответил тот. – Солдат и впрямь там много погибло, но и офицеров полегло довольно.

– Вы-то окудова знаете? – небрежно спросил Яшка.

– А оттудова, что лично воевал с командиром сотого и теми офицерами, кои не щадя себя останавливали наступление, и коих ты, солдат, так поносишь. И падали те офицеры на моих глазах замертво, но присяге не изменили. Потому нечего, солдат, тут болтовню разводить. Мне такие, как ты, смутьяны, уже встречались в японскую. Не слушай его парень!

И собрав последние силы, раненый фельтфебель, грозно сказал Яшке:

– А ты, ещё заведёшь свои разговоры, быстро окажешься, где положено!

После этих слов в палате вновь восстановилась тишина.

Митька смотрел то направо на Яшку, то на бойца, соседа по койке слева, то на фельтфебеля, рядом с койкой, которого сидел, и прибывал в полной растерянности. Смятение закралось ему в душу, ведь каждый из них был по-своему прав и Митька не мог понять, кто же из них прав больше.

— Господин фельтфебель, разрешите обратиться? — спросил по форме Митька.

— Обращайся, боец.

— А что было потом?

— А потом генерал Ренненкампф приказал, с угрозой предать полевому суду тех командиров полков, которые не удержали уже занятые позиции, в один день овладеть ими снова. Вот после полудня наша дивизия и двинулась вперёд. А дальше и изумление вышло и радость — идя мимо мест вчерашнего боя, немца мы там не нашли. Все местечки обнюхали — пропали. Только мины оставили, гады. Это меня от них так. А там, где вот этот воевал, — и фельтфебель повел здоровым глазом на Яшку. — Там жуть что было. Убитые лежали вперемешку, и наши и немцы, и Комаров... без сапог. Нашлись шакалы, нехристи, грабили убитых под покровом ночи.

Произнося эти слова, фельтфебель злобно фыркнул на Яшку, будто это он мародёрничал на поле боя. А Митька почесал голову левой рукой и тяжело вздохнув, закрыл глаза. После всего увиденного и услышанного ему теперь хоте-

лось только одного, как можно скорее воспользоваться положенным отпуском и отправиться домой, в родное Богоявленское, которое, как ему казалось два года назад, он покидал навсегда. Захотелось обнять сестру Машу и хотя бы на некоторое время забыть об этом сражении и об этом споре своих соседей по палате. Споре, которому суждено однажды принять, куда большие масштабы.

Глава 6.

Ранним утром, когда солнце только-только взяло свой путь над заливными лугами Богоявленского, к сидящему на крыльце дома Игнатову, читающему в «Летописе войны» последние новости с фронта, подошла Полина. Она всегда просыпалась с первыми петухами потому, как на ней было много обязанностей по доу. Вот и в этот ранний час, она уже успела накормить скотину, подоить корову, прибрать в избе.

– Что вы читаете? – спросила она Игнатова.

– Сводки с фронта, – сухо ответил тот.

– Почитайте мне.

– Разве тебе это интересно? – рассмеялся в ответ Игнатов.

– Интересно. Почитайте.

– Ну, хорошо, садись.

Отерев руки о передник и поправив косынку, Полина усеялась на дощатые ступени крыльца рядом с Игнатовым. Игорь начал читать:

– Восемнадцатого августа генерал Ренненкампф возобновил наступление и направил конный корпус генерал Хана Нахичеванского на Инстербург.

Однако Полина, попросившая Игоря почитать газету вслух, совсем не слушала, о чём он читает. Она только смотрела на него своими ласковыми, ещё по-девичьи наивными глазами и не могла наглядеться. Да, она была влюблена в Иг-

натова. Влюблена так, как может влюбиться только семнадцатилетняя девушка в мужчину старше себя на шесть лет и успевшего повидать жизнь со всех её неприглядных сторон.

Как только Игорь появился в их доме, то мгновенно занял все мысли и мечты Полины. Но она всё ещё боялась признаться в том даже самой себе. И всё-таки для неё уже стало жизненно необходимым, чтобы он был где-то рядом, где-то в поле её зрения. Когда же он неожиданно исчезал из дома, Полина скучала, не находила себе места и совершенно теряла настроение. А он попросту не замечал этого, его голова постоянно была занята какими-то другими, не известными ей мыслями.

– А это кто? – спросила Полина, ткнув пальцев на портрет в газете.

– Козьма Крючков, первый георгиевский кавалер этой войны, казак, – терпеливо пояснил Игорь. – Тут же написано. Или ты читать не умеешь?

– Умею, вот гляди.

И забрав у Игоря газету, Полина стала медленно, по словам читать текст под рисунком со смертельно раненым казаком:

– Под-ви-ги рус-ско-го ка-за-че-ства. Пер-вая кро-вь за ро-ди-ну. Ты чес-тно пал с вра-гом в бою. Ты пер-вый про-лил кровь за ро-ди-ну свою – Те-бя за то от-чиз-на не за-будет, и гор-до-стью стра-ны, твоё прос-тое имя бу-дет!

– Учиться тебе надо, – улыбнулся Игорь.

– Ой, да зачем мне? По науке коров доить или картошку садить?

– На то, Полюшка, тоже свои науки имеются, животноводство называется и агрономия.

– А вы придёте нонче вечерять с нами? – спросила вдруг Полина. – Я уши наварю.

Игорь успел только улыбнуться в ответ, как разговор их прервал подошедший со двора Фарух.

– Полинка, чего расселась? Работы тебе нет разве? – строго сдвинул он брови. – Ступай лучше смотровую подготовь. Будешь сегодня помогать мне.

И, как только дочь ушла, Фарух тут же осёк Игнатова.

– Послушайте, голубчик, я не спрашиваю, кто вы, и зачем в Богоявленском, но предупреждаю, держитесь подальше от моей дочери. И оставьте в покое молодого барина Георгия. Должно же быть в вас хоть какое-то милосердие. Ему всего четырнадцать лет, он ещё несмышлёныш совсем. Вы что же, хотите ему жизнь поломать? Мне встречались такие, как вы. О, я хорошо знаю вашего брата. Если хотите знать, это из-за таких как вы, я был вынужден уехать из Москвы, бросить университет. Вы даже представить себе не можете, что значит для мальчика из башкирской деревни, быть принятым в Московский Университет! Меня ждала совсем другая жизнь. Вот так, голубчик. Или как у вас принято, товарищ?

Игорь слушал Фаруха спокойно, не перебивая, и так же спокойно ответил:

– Я знаю, что это значит. Я знаю, что это такое «закон о кухаркиных детях». Знаю, как больно всё это бьёт по человеку. Но придёт наше время.

И уже шепотом Игнатов добавил:

– Мы отомстим. За всё отомстим.

– А, что касается вашей дочери, – снова в полный голос заговорил Игорь. – Так я женат. Тут вам бояться нечего. И о Егоре напрасно вы так. Он умён не по годам. Он умнее, чем вам кажется. Ему хорошо знакомы истинные человеческие ценности. А главное, в его груди бьется пламенное, справедливое сердце.

– Батя, глянь-ка, – распахнув окно, крикнула Полина, и указала пальцем на дорогу. – Никак наш Митька?

По просёлочной дороге действительно шёл Митька. Шёл уверенной поступью, распрямив широкие плечи. И чем ближе подходил он к дому, тем больше ускорял шаг. Сердце его бешено колотилось, так хотелось скорее войти в свой родной дом, в котором не был два долгих года, обнять любимую сестру Машу. Но подойдя к калитке, взгляду его предстала лишь высокая трава, за которой едва виднелись заколоченные окна дома.

Митька в полной растерянности сидел посередине пустой комнаты, когда у него за спиной послышался чей-то кашель. Обернувшись, он увидел Арсения.

– Арсюха! – обрадовался Митька. – Дай-ка обниму тебя, братушка!

– А до меня Полинка прибежала, гутарит кубыть приехал ты. Я ажник ушам не поверил. А ты что же, никак раненый?

– Да, зацепило маленько. Пустяковое дело, – отмахнулся Митька. – Скоро обратно на фронт. Скажи лучше как сам? Какие у нас тут новости? Маня где?

– Как? Неужто не знаешь? – удивился Арсений. – Неужто ты и ей не писал?

– Да как-то... – замялся Митька с ответом, ведь он и впрямь за все два года своей службы в армии, не написал сестре, вырастившей его вместо матери, ни одного письма.

– В Воронеж она уехала, – вздохнул Арсений. – Сразу, как ты на службу ушёл и уехала. А так тут всё по-старому, только мужики все на фронт ушли. Я и сам пойти хотел, да батя не пустил.

– А Васька тоже на фронте?

– Васька-то? – почесал затылок Арсений. – Бог его знает. Уехал он куда-то уж год как, и с тех пор, вот вроде тебя, ни слуху, ни духу от него.

– За лучшей долей никак отправился?

– Кто знает, могёт и так. Да только смекаю я, что не без маленькой барыни тут. Она, как замуж вышла, так и пропал наш Васька.

– Да ну? – удивился Митька.

– Так вот. Ротмистр Серебрянов, брата её друг, жил у них, могёт помнишь?

– Да, припоминаю.

– Вот за него и вышла она замуж. А Ваську с тех пор, как подменили. Совсем захандрил, запил сильно.

– Погано конечно, что от земли своей тронулся. А рот-мистр вроде мужик хороший.

– Ладно, чего брехать об энтот? Ты давай лучше вот что, приходи-ка к нам вечерять ноне, чего тебе тут одному делать?

Митька не думая согласился. Коротать свой маленький отпуск в одиночестве ему совсем не хотелось. И оказавшись на пороге зажиточного дома Митрофана Спиридоновича Мищенко, на Митьку мгновенно нахлынули приятные воспоминания юности. Будто и не было этих двух лет, настолько всё здесь было по-прежнему. Все те же каменные пристройки в леваде: амбар и несколько сараев. Всё та же скамейка возле забора и оплетённая виноградом беседка между домом и летней кухней.

– Митька? Ты? Бог мой!

– Тишка! – радостно крикнул Митька и бросился к старику. – Ну, что же ты кричишь-то, а? Постарел ты, отец. Постарел.

– Да так это я, Митюха, по-стариковски. Хоть тебя перед смертью увидал, а то своо Ваську, видать уже не дождусь.

– Митюха! – сбегав с крыльца, бросилась ему на шею Злата, пахнувшая юностью и жасмином.

– Ну-ка, ну-ка, – взяв Злату за плечи, заулыбался Митька. – Неужто это тот самый казачок, что и в проклятый лес

ходить не боялся? Скажите на милость, какая барышня получилась.

Злата улыбалась, сияя зелёными глазами. В объёмном валике её волос играло закатное солнце, а в шёлковом платье серебряное шитьё. Она была так невообразимо хороша, что и в самом деле больше походила на барыню.

– Ну, что толчётесь у порога? – послышался голос Митрофана Спиридоновича. – Давайте-ка все в хату.

И протянув свою широкую ладонь Митьке, он добавил:

– Ну, здорово, служивый! Проходи к столу, будь гостем дорогим.

А на столе уже дымился борщ с мясом, фаршированная рыба и вареники. После скудных армейских харчей, от такого изобилия у Митька аж в глазах потемнело, однако, памятуя, что в доме этом его не всегда принимали тепло, он мялся в передней. Но сегодня его ждали. Митька почувствовал это и расслабился.

– Значит, Митюха, у Сталлупенена воевал? – спросил Митрофан Спиридонович, разливая по рюмкам самогон. – Читали в газетах, читали.

– Да, в двадцать седьмой дивизии, – Митька махнул рюмку, занюхав пирожком с мясом. – Ох, и досталось нам от немцев энтих. Они нам, как долбанули во фланг, так Оренбургский полк напрочь разбили. Во какого жару задали.

– Ну, Сталлупенен-то, всё-таки взяли?

– Двадцать пятая пехотная взяла. Там двадцать девятая

дивизия на выручку подоспела. Во фланг шарахнули и дело с концом.

– Эх, война-война, мать её в душу, – вздохнул Митрофан Спиридонович.

– Коряво началась война энта, Митрофан Спиридоныч, чаво гутарить. Я вот слыхал, кубыть перед боем никто из офицеров и не знал не о расположении, не о направлении удара немецкого, – вторая рюмка самогона ещё теплее разлилась внутри Митьки. Поплыла голова, язык развезался.

– Как всегда, – махнул рукой Митрофан Спиридонович. – Авось наша россейская. И, как то война энта ещё на хозяйстве нашем аукнется?

Митрофан Спиридонович вспомнил разговоры в купеческом собрании о первом месте России в мире по темпам роста в промышленности, увеличении количества товаров на экспорт в два раза. И всё это за каких-то тринадцать лет.

– Ой-ой, ой-ой, – тревожилась Василиса Ивановна, качая на коленях четырёхлетнюю Симу и всё поглядывая на Глашу, будто спрашивая: «О чём энто они гутарят, не пойму чёй-то».

Арсений же слушал рассказ Митьки с восторгом, ведь друг его теперь почитай герой. Он и в армии послужил и в бою побывал, а бодрости духа не утратил. И бабы отныне его ещё сильнее любить станут. А сам Сенька? Он и хотел на фронт попроситься, но отец волей своей железной сразу же всё за него решил. Один Арсений у него сын, и всё нажи-

тое за долгие годы, ему наследовать полагалось. И перечить отцу было нельзя, как он сказал, так и быть должно. Да и не имел Арсений той смелости и решительности, чтобы отцу перечить. Повиноваться-то, оно всегда проще.

– Да будет вам всё о войне-то, – прервала разговор отца и Митьки Злата. – Ты, Митюха, лучше вон, на вареники налегай, а то исхудал, что и смотреть на тебя больно. Какой из тебя солдат-то, ты, поди, уж и винтовку в руках еле держишь.

Митька посмеялся, робко взирая, как Злата горкой сдобрила вареники сметаной и пододвинула ему тарелку. Да только правду она сказала. Он и сам помнил, каким в армию уходил и каким пришёл сегодня. Худой, уставший, кудри чёрные, за которые бабы его особенно любили, острижены. Но была одна, которая и такого его любить будет, и ждать будет до самой смерти. То ему и льстило и пугало одновременно. От этого и гадал он, как бы изловчиться, да не встретиться за время отпуска с Верой. Хотел он спросить совета у Арсения, друга верного, но тогда всё тайное раскроется, а Митька этого не хотел. Однако Арсений, провожая его, как на грех, остановился возле княжеской усадьбы.

– Погоди-ка, давай покурим, – Арсений достал из кармана пачку папирос, с Козьмой Крючковым на упаковке, и неумело закуривая, сказал:

– А ведь я знаю, почему Вера замуж ни за кого не идёт. Никто не знает, а я знаю. Она тебя любит, тебя ждёт.

– Будя брехать, – отмахнулся Митька.

– Верно-верно. Я ведь и сам сватался к ней, покуда ты в армии был. Думал, могёт, забыла она тебя за два года.

Митька ничего не ответил на это другу. Он хорошо знал его чувства к красавице Вере, такого не скроешь. Да и мечты Митрофана Спиридоновича породниться с княжеской семьей ему тоже были хорошо известны, Арсений этого от него и не таил. В Веру страстно влюблялись все мужчины, которые её знали, но только не Митька. Он и сам не понимал, почему так происходит, ведь она необыкновенно красива, умна, она княжна и к тому же готова ради него на всё, но настоящих чувств к ней, у него так и не возникло. И потому смотрел сейчас Митька на друга не столько с вопросом, что же ответила Вера на его сватовство, сколько с надеждой, что Вера согласилась. Если бы она согласилась, то, с каким облегчением выдохнул бы он сейчас, какой груз упал бы с его души. Но Арсений его разочаровал.

– Не люб я ей, – дрогнул его голос. – Ведь она даже отравиться пыталась. Я знаю, это она нарочно. Ты пойди к ней, одна она сегодня дома, ейные все в Воронеж уехали.

Это Арсений спас Веру в тот злополучный вечер. Почуяло что-то недоброе любящее его сердце, так захотелось вдруг её увидеть. И, несмотря на то, что Вера запретила ему приходить, Арсений пошёл её навестить. Долго стучала горничная в спальню, но Вера не открывала. Тогда сжалось сердце Арсения особенно больно, он понял, – случилось непоправимое, и недолго думая, навалился всей мощью своего воз-

мужавшего тела на дверь, выломав её. Вера предстала перед ним мертвецки бледная с едва прощупывавшимся пульсом, но вовремя подоспевший на помощь Фарух, сумел вытащить её с того света.

Любовь Арсения к Вере была настолько велика, что он готов был отказаться от неё. Готов был отказаться от своего счастья без борьбы, ради её счастья. И Митьку слова друга тронули за душу, он хоть и не любил Веру, но зла ей никогда не желал. Он даже не предполагал, что она такая сильная, властная и расчётливая могла пойти на такой грех, как лишение себя жизни, и из-за чего? Из-за него. Митька не мог понять, как можно лишать себя жизни в двадцать лет из-за того, что тебя кто-то не любит? Из-за такого пустяка. Или он всё-таки чего-то не понимал в ней?

И вот она перед ним, стоит у камина, читает письмо. Что это, очередное любовное признание от отвергнутого ухажёра или послание с фронта от брата Андрея? Как же она сейчас была хороша, пусть бледная и исхудавшая, но всё равно очень красивая. Никогда ещё Митька не смотрел на неё с таким упоением, как сейчас.

Погружённая в чтение, Вера не замечала присутствия в зале Митьки. И на неё, такую кроткую, естественную он, казалось, готов был любоваться часами. Но вот она подняла свои чёрные угольки глаз, и тонкие ниточки её бровей взлетели вверх. Выронив письмо из рук, она бросилась к нему, такому любимому и долгожданному, но остановилась в нескольких

шагах и, всплеснув руками, заплакала.

Прижав Веру к своей груди, Митька гладил её по голове сильными, но ласковыми руками и шептал:

– Что же ты, дурёха, удумала? Что же ты удумала?

Глава 7.

Митька шёл по улице снова покидаемого им Богоявленского. Обнимала молодое тело походная солдатская рубаша из черного молескина, да белые шаровары, с которыми за годы службы он уже успел сродниться. За спиной болтался полупустой солдатский брезентовый ранец, а впереди снова был фронт со всеми ужасами переднего края, с которыми он уже успел хорошо познакомиться. И кто знает, суждено ли ему вернуться в родное Богоявленское ещё хотя бы раз, хотя бы на мгновение.

Мысли Митьки были заняты Верой. Сам того не желая, он снова вернулся к этой роскошной, черноглазой, но нелюбимой красавице. В его памяти стояла минувшая ночь, проведённая с Верой наедине. Её бархатная кожа, светящиеся, чёрные глаза под тенью густых ресниц, пахнущие хвоей волосы, чувственные губы, жарко целующие его свежие шрамы. Она безоглядно любила его и такого, это прекрасное создание в белых простынях. Но Митьку мучил вопрос, почему он не в силах сказать ей правду? Он же не трус, он не боится ни пуль, ни снарядов, он даже не боится погибнуть на этой войне, на встречу которой снова направляется. Так почему же он не решается признаться Вере, что не любит её?

Всё потому, и Митька это понял, что эта правда может убить её, такую отчаянную и решительную. Вот так Митька

и с ней не мог быть, и оставить её навсегда тоже не мог. А ведь не послушайся он когда-то сестру Машу, не дай воплотиться её коварному плану, и не пришлось бы ему сейчас так мучительно тяжело. Не бежал бы он от этой путанной истории в армию, не возникла бы в нём злость к сестре, так отчаянно толкавшую его на путь лжи и обмана. И кто знает, как сложилась бы их жизнь тогда? Быть может, Вера уже удачно прибывала замужем, Маша не покинула Богоявленского, лишившись единственного родного человека, любимого брата, а сам он...

Но, увы, ничего вернуть было уже нельзя. Нельзя было предотвратить этот всего один необдуманый, но сделанный когда-то, шаг. Шаг, перевернувший всю его жизнь. И теперь невозможно распутать этот клубок лжи, который с каждым днём затягивался всё сильнее и сильнее. Конечно, другой бы на его месте плюнул на всё и будь что будет. Какое кому дело до другого человека, до чужой жизни, важен только он сам. Но Митька так поступить не мог, сердце в его груди билось доброе, и оно болело. И, как теперь вырваться из этого замкнутого круга, Митька не знал.

– Эй, браток, закурить не найдется? – остановил Митькины размышления незнакомый голос. Он обернулся и увидел возле дома Фаруха молодого статного мужчину.

– Чё ж не найдется? Найдется. Закуривай, – протянув кiset, взгляделся в незнакомца Митька.

– Благодарствую! Меня зовут Игнатов. Игорь Игнатов.

Будем знакомы.

– Митька Чадин, – протянул он руку Игнатову. – Откель в наших краях?

– Из далека я Дмитрий.

– Ты никак у Фаруха харчуешься?

– У него. А ты никак с фронта?

– С фронта и на фронт.

– И как там?

– А, – махнул рукой немногословный Митька.

– Друзья-то твои из местных, поди, тоже воюют? Или удалось кого повидать?

– Арсюху Мищенко вот повидал, а Тишкиного сына Ваську, нет. Чёрт знает, где он тепереча.

– Васька Попов дружок твой? – заинтересованно спросил Игнатов.

– С самого детства дружбу водим. А ты знаешь его никак? – удивился Митька.

– Наслышан от местных.

– Немудрено, он у нас знаешь какой? – Митька счастливо улыбнулся, вспомнив друга и их детские шалости. – Ну, а сам-то ты, надолго к нам?

– Как пойдет Дмитрий, но надолго не хотелось бы задерживаться. Этого мне совсем не надобно.

– Чё же так? У нас хорошо, вон красотища какая вокруг. И работы довольно, а тепереча так особливо много. Мужичков-то, поди, скоро всех на фронт погонят, и в полях рабо-

ты будет неспорно и на барском заводе. Сколь там нынче платят то, не узнавал?

— Узнавал, рабочему тридцать рублей, слесарю девяносто.

— Во, видал. У нас в армии младшим офицерам семьдесят рубликов платят. Чего ж тебе ещё надо?

— Ничего не надо, да только дел много ждёт, — хитро потянул уголок губ Игнатов. — А скажи, дружище, не в Воронеж ли ты собрался?

— В него в самый.

— А не занесёшь ли по пути письмецо жёнушке моей?

— Чего же не занести? Давай письмецо твоё.

— Вот спасибо тебе, — обрадовался Игнатов. — Очень важное письмецо, а с почтой нынче, сам знаешь как, война одним словом. Адрес тут указан, а это тебе на трамвай.

И достав из кармана пять копеек, Игорь протянул их Митьке.

— Не надо, — отмахнулся Митька от денег. И без лишних вопросов взяв письмо, он отправился в путь. А явившись по обозначенному адресу, удивлению его не было конца.

Дверь Митьке открыла не молодая жена нового знакомого, а друг детства Васька Попов. Как же оба обрадовались друг другу. Как же долго не могли они наговориться и насмотреться друг на друга. За те долгие два года, что они не виделись, у обоих накопилось немало новостей и душевных переживаний.

— Да, что я гутарю тебе Митюха, ты ведь меня, как никто

понимаешь. Сам за княжной Верой тянешься. И вот с Ксюшкиной свадьбы жизнь мне совсем опостылела. Тебя нет, её нет, чаво мне там делать одному? Вот я и отправился за лучшей долей, благо ни кола ни двора, ни спереду ни с задуг. Жалеть не о чем, да и не о ком.

– Ну, а мать с отцом как же? – удивился Митька.

– А что мне мать с отцом? Мне они не указ и не пример. Я на упыря энтого рыжего спину гнуть не желаю, и хучь иной раз и гроша в кармане не завалается, а всё лучше, чем в ба-траках мищенских, али барских, хаживать. Свободу, брат, её ни за что не купишь, потому она дороже золота.

Митька тихонько огляделся по сторонам и отметил, что друг его и впрямь погано жил. Малюсенькая комнатка до того была бедна, что кроме стола да сколоченной самим Васькой лавки, ничего в ней не было. Только наваленные по всем углам газеты с листовками, содержание которых Митька всё никак не мог разглядеть, выдавали хоть какую-то занятость хозяина. Да и сам Васька, и раньше худой и неказистый, сейчас казался Митьке совершенно запущенным и не здоровым.

– А, как здоровье-то твоё, Вася? – спросил участливо Митька.

– Ну, а что здоровье? – безрадостно ответил Васька. – Нормальное моё здоровье. Сердце вот только пошаливает, так то ещё с детства. Оспа моя его, что ли так исконопатила, мать её ети, вон, вместе с рожей моей?

– Ты бы всё-таки к матери с отцом съездил, Вась. Тоскуют

они дюже по тебе, не одной ведь весточки не получали. Да и здоровье бы поправил на домашнем молоке. В городу-то здоровьица не прибавится.

— Ну, уж не совестить ли ты меня удумал? Сам то, Маньке часто ли пишешь?

— Хм, — виновато покачал головой Митька.

— Вот, то-то же. Осерчал на сестру, упёрся рогом, а что к чему и не рассудил.

— Чудно, — усмехнулся Митька.

— Чего это?

— Чудно ты, брат, гутарить стал. Вроде ты, а вроде и кто другой за тебя лапочет.

— Ну, будет тебе. Скажи лучше, что наше Богоявленское?

— Да всё то же: Митрофан Спиридоныч богатеет, а народец беднеет. Да мужичков порядком мобилизуют. Ещё Ксения Петровна домой вернулась.

— Ксюша? — удивился Васька.

— Гутарят, кубыть муж сам её привёз.

Это известие встревожило Ваську, разбудило в нём воспоминания и новые надежды, ведь супруг Ксюши теперь на фронте, и кто знает, как там для него всё сложится.

— Вот что, Митюха. Будя тут сидеть. Пойдем лучше в кабак. Ты не смотри на бедность моего жилища, угостить тебя гроши есть.

И отсчитав пятьдесят копеек, Васька потянул Митьку в кабак. Там, купив бутылку водки и три солёных огурца, Вась-

ка быстро повеселел и всё оглядывался на входную дверь, будто ждал кого-то.

– Агафья, – подозвал Васька повариху. – Сделай мне фунт пшеничной муки, да фунт мяса.

– Гони тридцать копеек, – грубо ответила та.

– Отдам, не ори.

– Отдашь ты, ко второму пришествию. Будут деньги тогда и приходи.

– Вот курва. Это я для Тоньки, Игоря жены, – объяснил Васька Митьке. – Помогаю, значит, помаленьку.

– Откель он взялся? Ты давно его знаешь?

– Игорь мой друг и надежный наш товарищ, – уклончиво ответил Васька.

– Здравствуйте, товарищи, – послышался голос у Митьки за спиной. Он обернулся и остолбенел не в силах поверить своим глазам. Перед ним стоял... – Марк Вацлавич? – тихо произнес Митька. – Ты? Но откель ты здесь?

Митьке захотелось броситься к Садилеку, обнять его и, невзирая на то, что давно перерос его на две головы, повиснуть на шее, как в детстве. Но горькие воспоминания того дня, когда они остались с Машей одни на произвол судьбы, брошенные этим человеком, преданные всеобщему порицанию, поднятые на смех, воспоминания о сгинувшем на каторге отце, остановили Митьку.

Протянув руку Митьке, Марк Вацлавич сказал:

– Пойми, сынок, иначе было нельзя. Ведь я бы потянул

вас за собой.

Слова Садилека прозвучали так убедительно, а взгляд был так светел, что Митька ничего не стал спрашивать. Он посмотрел на поседевшего и казавшегося сильно уставшим Марка Вацлавича, и невообразимая жалость к нему наполнила Митькино сердце. Он задумался, а легко ли было ему самому все эти годы? И, где он их провёл, в тёплой постели или промёрзлом подвале, на самом дне этой жизни? Имеет ли он, Митька, право судить его? И за эти несколько минут, Митька простил Марку Вацлавичу все свои обиды, копившиеся годами.

– Ты с фронта, сынок? – участливо спросил Марк Вацлавич.

Митька утвердительно кивнул в ответ.

– Ранен?

– Так, задело трошке, – нехотя ответил, не привыкший жаловаться Митька.

– И куда же теперь?

– Как куда? – удивился Митька. – Двадцать седьмая пехотная дивизия, третий армейский корпус, вот моя приписка.

– Да, – негромко стукнул стаканом по столу Марк Вацлавич. – По всей стране идут массовые мобилизации в армию. Только из Воронежской губернии призвано почти четыреста тысяч человек, а ведь это почитай половина трудоспособного мужского населения. И кто же, спрашивается, работать

будет, сеять, пахать?

— Ну, Марк Вацлавич, скажешь тоже, — усмехнулся Митька. — А воевать, что же, бабам да ребятишкам?

— А ты знаешь, Митюха, что на заводах и фабриках, тех, что нынче выполняют заказы... — забыв слово, замялся Васька. — Как это, Марк Вацлавич?

— Военного ведомства, — уточнил Садилек.

— Вот, военного ведомства, — продолжил говорить Васька. — Тепереча вводятся сверхурочные работы. И работы эти не оплачиваются дополнительно.

— Что же, известное дело — война, — спокойно развёл руками Митька. — Кому нынче легко?

Но Марк Вацлавич с Васькой, сидевшие за столом рядом друг с другом и постоянно переглядывавшиеся, не унимались.

— Мобилизованы и многие наши товарищи.

— Товарищи, гутарите, мобилизованы? — застучал Митька пальцами по стакану. — А сами, чё ж не на войне? И энтот, товарищ тоже, который письмецо мне сунул, чего не на войне-то? Чё ж он в Богоявленском нашем окопался?

Марк Вацлавич и Васька не ожидали от Митьки такой реакции и не сразу нашлись, что ответить. А Митька даже потемнел от негодования.

— Тепереча-то я понял, откель он взялся, и чего там делает, — фыркнул он.

— Ты, Дмитрий не горячись, — похлопал Марк Вацлавич

Митьку по плечу. — И Игнатова не собачь, он товарищ надёжный, в суровых ситуациях проверенный. Мы из одной ячейки, то верно, а потому нам он также близок и дорог, как и ты. А про армию, что же, я тебе отвечу, сынок, почему мы вот с Василием не воюем. Но наперёд скажи нам, кому ты служишь?

— Служу царю и отечеству, — по-солдатски отчеканил Митька.

— А я вот царю служить не желаю! — взорвался Васька. — Гад он и кровопийца! И ты задумайся Митька, почто тебе молодому, здоровому пропадать?

Марк Вацлавич взял Ваську за руку, и, понизив голос, вторил ему:

— Правительство нынче не прочное. Так стоит ли за него пропадать? Стоит ли за него воевать?

— А я не за правительство воюю, — возмутился Митька. — Я за землю родную воюю, за народ православный, за сестру Маньку, за вас вот, сукиных сынов!

— Э, нет, — заулыбался Марк Вацлавич. — Не своими словами ты говоришь сейчас. Это тебе правительство внушает, а ты по неразумению своему повторяешь. И веришь царю и правительству, потому, как своего опыта в жизни этой покуда ещё не имеешь.

— Да что же ты гутаришь, Марк Вацлавич? — совсем растерялся Митька. — Какое правительство? Я вот тебе гутарю!

— Одураченный ты Митька, обманутый. А правительство,

которое не хочет дать народу ничего, кроме кнута и виселицы, не может быть прочным.

Митька смотрел на Марка Вацлавича и поражался, тот будто и не слышал его, задавал вопросы и сам же на них отвечал. На фронте не был, но уверенно рассуждал о состоянии дел внутри армии, никогда толком не работал не на заводе, не в поле, но говорил от имени всех рабочих и крестьян, рассуждал о государственном устройстве, имея минимальное образование. Митька совершенно запутался, и с трудом уже понимал, чего же хочет от него Марк Вацлавич. Хотя в какой-то момент слова его и показались Митьке убедительными, особенно в той части, которая касалась государственного устройства, ведь сам он в этом ровным счетом ничего не смыслил, поэтому и готов был верить Садилеку на слово, полагаясь на его возраст и житейский опыт.

– И, можешь не сумлеваться, рабочие вновь подымутся на борьбу, – прозвучал голос Васьки, и будто вернул Митьку из дрёмы.

– Борьбу значит? – возмутился он в ответ. – Гляжу я на вас, борцов, и тошно мне делается. Пригрелись по тёплым норам. Ты Марк Вацлавич наборолся уже, чуть под каторгу нас с Манькой не подвёл, а сам сбежал и обратно судишь, хаешь, амперию нашу поносишь, а она воюет за вас, кровь проливает, покуда вы тут по кабакам водку жрёте!

На громкие слова Митьки обернулся весь кабак, и затих прислушиваясь.

– Не горячись Димитрий, – попытался успокоить Митьку Марк Вацлавич.

– На фронт вас! Всех на фронт! – не успокаивался тот. – Тама вас нету. Видал я таких смутьянов, довольно. Ну, уж нет, живите, как знаете, а мне видать с вами не по пути. Прощайте!

Громко стуча сапогами, Митька ушёл из кабака, под всеобщие изумлённые взгляды. Душа его будто была поругана, и кем? Близким другом, которого знал и любил с детства, и человеком, коего долгое время он почитал за отца. И от того на войну он уходил с тяжелым сердцем, совершенно одиноким человеком.

– Что же это, Марк Вацлавич? – расстроился Васька. – Неужто упустили мы Митьку нашего? Не смогли удержать подле себя?

– Нет, Вася, – ответил Марк Вацлавич. – Никуда он от нас не денется.

Марк Вацлавич, взрослый и опытный, давний член РСДРП, многие вещи знал наперёд. Митька был нужен ему не только для увеличения количества членов их партии, ему нужны были финансы для революционной деятельности в губернии, финансы, которыми через Митьку могла обеспечить их княжна Вера. Хорошо обученный в своё время товарищами по партии, он всегда имел при себе инструкции с чётким планом действий на любые случаи. Они и сегодня были у него в кармане, и, не справившись с одним пунктом,

он приступил к следующему.

Глава 8.

Командующий Второй армией генерал Самсонов приказом от шестнадцатого августа изменил предписанное штабом фронта направление наступления, послав главные силы вместо северного в северо-западном направлении с целью более глубокого охвата германских дивизий и для перехвата путей на Вислу. В результате был существенно увеличен разрыв с Первой армией. Вторая армия перешла границу двадцатого августа, имея против себя 20-й корпус генерала Шольца.

Командующий Первой русской армией генерал Павел Карлович Ренненкампф назначил на двадцатое августа дневку. На этом этапе промедление Первой армии осложняло ситуацию для немцев т.к. вынуждало их идти на восток, оставляя оборонительные рубежи на реке Ангерапп и растягивая свои коммуникации при угрозе удара с тыла русской Второй армии.

— Что же, господа, невзирая на то, что потери, по-видимому, выше немецких, я склонен полагать, что бой завершился нашей победой. Да-да, мы здесь у Гумбиннена, потому, что Франсуа оставил Сталлупенен и отступил.

Поздним вечером девятнадцатого августа, в штабе Двадцатого армейского корпуса, офицеры обсуждали итоги первых боев этой, недавно начавшейся, войны.

– Держу пари, что война закончится очень скоро и победа наша будет безоговорочной. И если кому-то ещё не известно, то спешу сообщить, что сегодня у Каушена наш конный корпус Хана Нахичеванского столкнулся с прусской ландверной бригадой. Разумеется, бригада понесла большие потери и отступила.

– Браво, господа! Браво! Но стоит ли удивляться, если в составе нашей Первой Армии почти вся гвардейская кавалерия. А какие блестящие полки в конном отряде генерал-лейтенанта Хана Нахичеванского! Какая музыка эпох, названий и имён звучит в нём. Особы императорской фамилии, сплошь отпрыски самых старинных и богатых дворянских родов России. Но, разумеется, имена не главное, важнее то, что полк отличается товариществом, лихостью. Безусловно, этот полк самый блестящий в кавалерии по своему прошлому, и по тому, что сам Государь Император служил в нём.

– Музыка – это ваши дифирамбы, ваше сиятельство, – возмутился молодой прапорщик. – Что толку от громких фамилий? Там несколько великих князей, герцог Лихтенбергский, да богачи, такие как графы Воронцовы-Дашковы, князь Вяземский, Балашов, Нарышкин, Раевский. Такое великолепие громких имён, титулов и традиций должно бы принести великие ратные подвиги, но нет. Пока ничего подобного не видно. Вот и сейчас, корпус Хана Нахичеванского отведён в тыл, из-за чего, ясно видно, обнажён наш пра-

вый фланг армии, который он должен бы прикрывать.

Все офицеры в штабе в недоумении обернулись на молодого прапорщика, стоящего у выхода из штаба и застыли в негодовании. Но неожиданный смех одного из офицеров не дал разразиться скандалу. Это смеялся Михаэль Нейгон. В срочном порядке он был переведён в состав 29-й пехотной дивизии всего неделю назад, но уже успел завоевать в ней большой авторитет.

Слова молодого прапорщика, его смелость, очень обрадовали Михаэля. Он и сам не питал иллюзий относительно успехов в сражении. Конечно, к делу подготовки войск после русско-японской войны теперь старались подходить серьёзно, с учётом требований нового времени. Кое в чём русская пехота, в канун войны, достигла хороших результатов, особенно это касалось огневой подготовки, но было и о чём задуматься.

– Что же, господа, – твердо сказал Михаэль. – Стоит признать, что у Сталуппенена конница Хана Нахичеванского и в самом деле действовала крайне вяло. И не стоит ополчаться на господина...

– Прапорщик Лавров, – напомнил молодой прапорщик свою фамилию.

– ...Лаврова, – повторил за ним Михаэль. – Пусть наша армия и неплохо провела первую схватку, но трофеи маловаты, а потери слишком уж велики. Не секрет, что наших войск в этом бою было меньше, чем у противника. И конни-

ца, увы, подвела. И не стоит спорить с этим.

Позже, покидая штаб, прапорщик Лавров подошёл к Михаэлю и сказал:

– Ваше высокоблагородие, разрешите обратиться!

– Обращайтесь.

– Спасибо вам, Михаил Федорович!

– Не стоит, – махнул рукой Михаэль. – Да, первые грозные признаки необъяснимого разгильдяйства и отсутствия взаимодействия у наших полководцев должны бы вызвать у командования беспокойство, да не в наших традициях делать тщательные разборы выигранного боя.

Михаэль уже давно перестал замечать за собой, что говоря о русских традициях, употребляет слово «наши». За долгие годы жизни в Российской Империи, он был уже крепко вплетён в жизнь своей новой родины. Вплетён языком, традициями, православной верой, мыслями и чаяниями.

– И если бы беда была только в этом, – продолжил Михаэль. – К сожалению уже видны и первые признаки морального неблагополучия в наших частях. Только в роте Успенского двадцать два «пропавших без вести» бойца, и это при небольшом числе убитых и раненых в бою. Не сомневаюсь, большинство и этих «пропавших без вести» – дезертиры, сдавшиеся затем неприятелю. Да и сапоги с ног убитого Комарова уж точно стянул кто-то из своих мародёров.

У Михаэля действительно болело сердце за русскую армию, за Россию, за русский народ. Он чувствовал эту войну

совершенно особенно, и чувствовал что вся она на плечах России. И теперь Михаэлю как никогда хотелось стать ближе к своим бойцам, поэтому на волне начавшихся антигерманских настроений, он даже отпустил мужицкую бороду, и благодарил про себя тех людей, которые называли его на русский манер Михаилом.

— А вы мне нравитесь Лавров! — дружески похлопал его по плечу Михаэль. — Сегодня не часто встретишь человека, не боящегося сказать правду.

На рассвете двадцатого августа Михаэль Нейгон был разбужен своим новым знакомым, молодым прапорщиком Павлом Лавровым:

— Михаил Федорович, ваше высокоблагородие, скорее просыпайтесь! Двадцать восьмую дивизию атакowali!

Оставшийся открытым, после отхода корпуса Хана Нахичеванского, тыл 28-й дивизии был атакован двумя дивизиями противника. 28-я дивизия понесла большие потери и была отброшена на восток. А поддержавшая удар Франсуа ландверная дивизия противника атаковала 29-ю дивизию XX-го корпуса, в которой воевали Михаэль Нейгон и Павел Лавров.

Между противниками завязался ожесточенный бой. Обстановка создалась крайне серьезная, артиллерия противника засыпала полк градом снарядов, словно свинцового цвета туча разверзлась адским огнём над русскими позициями. Земля дрожала от такого натиска. Повсюду громыхали взры-

вы, замертво падали солдаты, разорванные осколками. Молодой офицер Лавров совершенно растерялся, паника сковала его разум, вид убитых товарищей парализовал его волю. Он понял, что не в состоянии вести в бой свою роту.

Но Нейгон, прошедший не менее кровопролитные сражения русско-японской войны, не позволил страху взять над собой верх. Он, не обращая внимания на свист пуль, без остановки передвигался по всему расположению. Михаэль специально не пригибался при взрывах, стараясь придать смелости и уверенности своим стрелкам. Спокойно отдавал распоряжения, направлял бойцов в те места, где видел, что противник берет верх, ободрял словом и делом. Когда номер из артиллерийского расчёта упал сраженный пулей, сам на минуту встал на его место, пока не подошел боец из резерва.

Михаэль был талантливым командиром и прирожденным лидером. Своим мужеством, спокойствием он вселял стойкость и твердость в своих подчинённых. Так восхищённый его действиями сумел совладать со своим страхом и Павел Лавров. Вдохновлённый своим командиром, он сумел сделаться для него верной опорой в этом бою.

Лавров видел, что распоряжения Михаэль отдавал с такой энергией, что дух и отвага росли у стрелков с нешуточной скоростью, и потому приказание полковника Нейгона атаковать и отбросить прорвавшиеся вражеские части было немедленно приведено в исполнение.

Благодаря умелому командованию, полк Михаэля оказал-

ся наиболее стойким и организованным, что много поспособствовало, хоть и с трудом, но пробиться-таки к середине дня на помощь к 28-й дивизии. И вместе они сумели нанести контрудар, что заставило части германского корпуса отступить. Позже они узнают, что четыре дивизии Хана Нахичеванского бездействовали весь день сражения.

Прапорщик Павел Лавров по ходу сражения внимательно наблюдал за действиями Михаэля и пытался запомнить, учиться у него. В этот день Михаэль сделался для него кумиром. А вот само сражение стало для Лаврова ещё не главным испытанием. Главное испытание ждало его впереди.

Когда оружейный огонь затих, смолкли звуки выстрелов, все выжившие смогли внимательно оглядеть поле боя. И взору их предстала картина страшная. Михаэль и Лавров молча всматривались в то место, где находился дивизион, расстрелянный мощнейшим огнём артиллерии. Той артиллерией, стрелкам которой, они отдавали приказы.

Лавров вздрогнул и занёс руку над головой, приказывая своей роте вновь приготовиться к бою. Вражеские офицеры и канониры смотрели остекленевшими от ужаса глазами, жесты и позы их внушали боевую уверенность. Михаэль остановил Лаврова и осторожными шагами повёл за собой вперёд. Подойдя ближе, Лаврову стало понятно, что живых здесь нет.

Бешено заколотилось его сердце при виде одного немецкого офицера, совсем юнца с поднятой саблей, застывшего

у своего орудия. Голова его была запрокинута, а рот открыт так, будто кричал он в последнюю секунду своей жизни, какую-то команду, и глаза его были устремлены в небо. Лавров задрожал всем телом:

– Мне почудилось, будто он жив, – шёпотом произнёс Лавров, будто убитый и впрямь живой и может услышать его. – Господь всемогущий совершенно, как живой, – перекрестился Лавров. – Вы знаете, ваше высокоблагородие, вот сейчас, от вида этих мертвецов, мне даже страшнее, чем от самого боя. Знаю, мне должно быть совестно от этого признания, но это так.

Михаэль посмотрел на солдата, о котором говорил Лавров и отёр глаза ладонью, будто пытаюсь проснуться после дурного сна. Вид этого бойца и впрямь наводил ужас. Он наполовину вставил снаряд в орудие и, с не отнятыми от него руками, стоя на коленях, смотрел с каким-то особым удивлением вверх и, казалось, спрашивал, в чём дело. И всё-таки фигуры эти только издали казались живыми. Когда Михаэль с Лавровым подошли ближе, то увидели, что у офицера три четверти головы сзади были оторваны, и осталась буквально одна маска, а у солдата выбит весь живот.

– Видно, смерть была моментальная и безболезненная, – бледнее предположил Лавров. – Поэтому их лица, как живые.

Сказав эти слова, Лавров неожиданно пошатнулся и взялся за горло. Лицо его исказилось, и щёки неестественно на-

дулись. Едва успев сделать несколько шагов в сторону от Михаэля, его вырвало.

В мирные дни Лавров не представлял себе войну такой. Он вообще не думал о ней, пока не оказался на фронте. До этого война виделась ему чем-то абстрактным, как на учениях, где есть манёвры, есть стрельбы, но реальных увечий и смертей нет и быть не должно. И вот они есть, и вот она – настоящая война, и он видит её своими глазами, и она страшна. И то, что он, командир роты, жизнь которых длится здесь не более пятнадцати дней, остался сегодня жив и даже не ранен, виделось ему большой удачей. Но, как долго будет сопутствовать ему эта удача? Насколько ещё боев её хватит? Та уверенность, что война эта ненадолго, которая преобладала в большинстве бойцов, и в Лаврове тоже, после сегодняшнего боя, стала гораздо меньше.

– Пойдёмте отсюда, – сказал Михаэль, протянув Лаврову носовой платок.

Проходя мимо батареи, расстрелянной на самом выезде на позицию в полной запряжке, не успевшей не только открыть огонь, но даже остановиться, их взгляду снова предстала ужасающая картина убитых людей и лошадей, дружно лежащих вместе на своих местах. Глядя на убитых лошадей Михаэль сказал:

– Это вторая моя война, и, как и в японскую, не могу сдержать в себе жалости к лошадям. Бедные животные. Разве они виноваты во всей этой катастрофе, случившейся меж-

ду людьми?.. Ну, а вы молодец, прапорщик Лавров! Из вас выйдет славный командир!

– Спасибо, ваше высокоблагородие! Но стоит признать, я не на шутку испугался сегодня. Испугался и растерялся.

– Это от неопытности, голубчик. Вам верно не больше двадцати лет?

– Двадцать четыре. Должно быть, и этим солдатам не больше, и нашим. И у всех них есть родители. Какое горе к ним всем пришло.

– Это похвально, что вы жалеете людей. Это важно для офицера. Всегда помните об этом, ибо нет ничего страшнее жестокости офицера по отношению к своему солдату, да и к солдату противника.

– Как же иначе, ведь и у меня в Смоленске мать и сестрёнки, и у них кроме меня никого.

– Вы выходит смоленский. А отец что же?

– Отец погиб в японскую. Он из потомственных дворян был. Без него имение наше обветшало. Матушке не раз предлагали его продать, но она всегда отказывается, бережёт в память о нём, даже невзирая на то, что долги наши копятся. А сам я по окончании кадетского корпуса учился в Александровском военном училище.

– Не горюйте, голубчик, всё ещё наладится, – подбодрил Михаэль Лаврова.

Весь следующий день армия оставалась на месте, отдыхая и подтягивая тылы, и возобновила наступление днём два-

дцать второго августа.

Глава 9.

– Южнее Гумбиннена тридцать пятая и тридцать шестая дивизии генерала Макензена атаковали центр Первой русской армии на четыре часа позже и без предварительной разведки. Они натолкнулись на три русских дивизии, и попали под фланговый огонь артиллерии двадцать седьмой дивизии. Тридцать пятая дивизия понесла большие потери и в беспорядке отступила на двадцатый километр. Тридцать шестая дивизия также была вынуждена отступить. Начавшая преследование двадцать седьмая дивизия генерала Адарида была остановлена корпусным командиром. Генерал Рененкампф отдал приказание преследовать бегущего врага, однако вследствие потерь и отставания тылов отменил этот приказ.

Закончив читать, Натали подняла свои печальные глаза на Петра Ивановича. Он склонился над картой, разложенной на письменном столе в своём кабинете, и что-то отмечал на ней.

Из всех детей, живущих сейчас в доме, Натали стала Петру Ивановичу ближе всех. Самая юная, нежная, она была ласкова и внимательна, как к родной матери, так и к Петру Ивановичу с Ольгой Андреевной. Она была и единственной из девочек, кто с интересом относился к положению дел на фронте, ведь там воевал и её отец, и Андрей, которого она почитала за брата, и безмерно уважаемый ею, друг их ма-

ленькой семьи, Алексей Серебрянов.

Натали искренне не понимала, почему фронтовые сводки так неинтересны Вере и Ксюше, но, несмотря ни на что, не смела осуждать их.

– О чём ещё пишет отец? – спросил Петр Иванович Натали.

– Пишет, что сильно тоскует по нам всем и нашему дому. Пишет, что в полку появился некий прапорщик Лавров, светлый человек и способный офицер, а ещё...

И потупив взор, тихим голосом, Натали сказала:

– Папа пишет, что солдаты неохотно идут в бой за «не своими», за немцами. За людьми, у которых родной язык и фамилии такие же, как у врага. И, что потому немцы-офицеры стали менять фамилии.

И снова поднеся письмо к глазам, Натали стала зачитывать:

– «Иоган Клейст, стал Иваном Клестовым, Теодор Мут – Федор Мутов, Вальдемар Фон Визе – Владимир Фонвизин». Но папа убеждён, и я вместе с ним, что, как и все подданные России, русские немцы доблестно сражаются, и будут сражаться против общего врага.

– Я убеждён в том же, – ласково взял за руку Натали Петр Иванович. – Ну, ступай.

Выйдя из кабинета Петра Ивановича, Натали отправилась в комнату к Ксюше. Девушки крепко сдружились ещё в Петербурге, и казалось теперь, живя под одной крышей,

объединённые общей бедой и общими лишениями, дружба их должна была стать ещё крепче. Но этого не произошло. Ксюша отстранялась от своих близких всё дальше и дальше, она менялась на глазах, превращаясь из застенчивой, нежной, жизнерадостной барышни в надменную, бесчувственную куклу. Всё более она стала походить на свою старшую сестру Веру. Что-то тяготило уродённую княжну Сенявину, будто что-то жгло изнутри. Но Натали и все домочадцы списывали это её состояние на разлуку с любимым супругом, на страх потерять его.

— Ксюша, взгляни, — Натали протянула журнал с сатирической карикатурой. — Как верно, не правда ли?

Ксюша равнодушно взглянула на карикатуру, на которой был изображён император Вильгельм II в усмирительной рубашке, прикованный к больничной койке, но продолжающий жадно обнимать земной шар. Лицо его было безумно. Всю эту карикатуру сопровождало стихотворение:

Шар земной покрыл ты кровью,
Не моргнув при этом бровью,
Сколько душ ты загубил,
Сколько семей разорил,
Но настал расплаты час,
Мы теперь проучим вас, —
И рубашечкой согреем,
И усы ваши побреем,
На башку наденем кепи,

И посадим вас на цепи.

С началом войны появилось множество всевозможных карикатур высмеивающих императора Пруссии Вильгельма II, но Ксюша ко всему этому оставалась равнодушной. Вот и сейчас она только вздохнула и, отвернувшись от журнала, продолжила полировать свои бледно-розовые ноготки.

– Ну, хорошо, – убрала журнал в сторону Натали. – Петр Иванович предлагает съездить на ваш сахарный завод. Посмотреть, как он устроен, поддержать рабочих, трудящихся на нём в две смены из-за войны.

– Ах, миленькая Натали! Как же не верится, что эта война может затянуться надолго. А мне из-за неё оставаться надолго здесь. Если бы ты только могла вообразить, как скучно здесь осенью. А зимой? Зимой совершенно невыносимо. Другое дело Петербург! Какие вечера там устраиваются, какие балы! А синематограф! Ты ходила в синематограф?

– Нет.

– А мы с Алексеем перед войной ходили. На полотне совершенно живые атлеты упражнялись на брусках перед Екатерининским дворцом, и тут же император, и цесаревич. Ах, какое волшебство. И зачем только Алексей привёз меня сюда? Пропадать в этой глуши?

– Но, Ксюша! – возразила Натали. – Возможно ли проводить время в развлечениях теперь, когда идёт война и каждый день гибнут люди? Когда твой брат и супруг, каждый день подвергаются смертельной опасности?

Но Ксюша ничего не ответила, а только отвела в сторону уставший, безразличный взгляд и тяжело вздохнула.

Странные чувства к Ксюше, наполнили сердце юной Натали. Это были и злость, и жалость одновременно, но чего же всё-таки больше, понять она не могла.

Всё это смятение чувств ещё долго терзало бы Натали, но уже час спустя, проезжая в экипаже вместе с Петром Ивановичем мимо дома Фаруха, она отвлеклась. Её внимание привлекло скопление людей на крыльце этого дома. У Фаруха всегда было многолюдно, к нему со своими надеждами на выздоровление съезжались люди со всего уезда и в мирное время, а теперь, когда стали появляться и первые раненые с фронта, и подавно. Но, и Натали поймала себя на этой мысли, внимание её привлекли не раненые, нет, а совсем другой, новый для Богоявленского человек. Молодой, с красивым орлиным профилем. Натали обернулась и увидела, что человек этот, стоя возле дороги, тоже смотрит ей в след.

– Приглянулась? – услышал Игорь вопрос калеки на костылях.

– Кто это? – спросил он в ответ.

– Дочка полковника Нейгона из Петербурга, могёшь слышал о таком?

– Слышал, да только я спрашиваю о том, кто с ней рядом.

И громко рассмеявшись, калека пояснил:

– Барин наш, Петр Иванович Сенявин. Неужто не признал? А я уж решил, на барышню ты загляделся.

– Нагляделся я на этих барышень вдоволь и в Петербурге и в Воронеже. Все на один фасон, – насупился Игорь, бросив взгляд в след уезжающему экипажу.

Глава 10.

Ротмистр Алексей Валерьевич Серебрянов каждый день был на ногах уже с шести утра. Даже в мирное время он делал все возможное, чтобы высоко была поднята боевая подготовка его эскадрона. Для этого он постоянно проводил манёвры, пробные мобилизации, кавалерийские сражения, боевые стрельбы с маневрированием даже в морозы, состязания в походном движении. И что бы ни случилось, войска всегда видели его среди себя на коне, несмотря ни на какую погоду, красивым, «лихим», простым в обращении. Он никогда не позволял себе повысить голос на младшего в чине, оскорбить или унижить. И всё это само собой вызывало к нему огромное уважение, и даже любовь солдат. Чего нельзя было сказать о старших офицерах. Они не любили Алексея Валерьевича за жёсткий, неуживчивый характер, самолюбие и нескрываемое признание практически к каждому из них. И всё-таки терпеть Алексея Валерьевича им приходилось, ведь найти более смелого, опытного, ответственного и талантливого командира едва ли представлялось возможным.

Вот и сейчас, прежде чем идти на обед в полковое офицерское собрание, он отправился в хозяйственную часть полка, получить письма и посылки в эскадрон. Но по пути был остановлен сообщением адъютанта о срочном сборе офицеров в штабе.

На совещании было принято решение провести разведывательный поиск в приграничной полосе, и поручили это опасное мероприятие именно ротмистру Серебрянову. И он не подвёл. Именно его эскадрон обнаружил скопление австро-венгерских войск, угрожающих соседней кавалерийской дивизии.

— Итак, господа офицеры, — докладывал начальник кавалерийской дивизии, в составе которой воевал Алексей Валерьевич. — По донесению разведки нам стало известно, что перед фронтом нашей дивизии появился противник,двигающийся по направлению к дислоцированной севернее Девятой кавалерийской дивизии.

И войска, так ждавшие сражений, переполненные благородством и самыми лучшими патриотическими чувствами незамедлительно выступили на помощь соседям, чтобы атаковать кавалерию противника в конном строю силами шестнадцати эскадронов и сотен. Противнику пришлось принять бой.

Местность, где было суждено провести атаку, преобладала равнинная, и потому она стала ареной для яростной кавалерийской схватки, лобового столкновения конных масс, построенный в развернутый и сомкнутые строи.

Алексей Валерьевич отважно бросился в бой во главе своего эскадрона. Он вёл его вперёд с пикой в руке, в самую гущу сражения, не щадя ни противника, ни себя, поднимая в воздух первую линию австрийской кавалерии. Храбро сра-

жаясь в этой беспощадной сече, он, не боясь смерти, с открытой грудью рубил шашкой врага. Но смерть, будто нарочно, щадила его, уготовив изощрённое наказание, в виде мучительной жизни, когда он сам будет молить её, чтобы скорее пришла. Сейчас же Алексей Валерьевич не мог этого знать, как не мог знать и того, что сражению этому суждено стать лебединой песней русской императорской кавалерии. Здесь на просторах Галиции, в последний раз грудь в грудь сошлись большие кавалерийские массы, словно воскресшие знаменитые конные атаки наполеоновских сражений. А впереди их ждала война, которой до сей поры человечество не знало и не представляло даже в самом богатом своём воображении. Человечество ждала кровопролитнейшая, изуверская война, так точно и аккуратно подготовленная технологическим прогрессом.

А пока противник оставил всю восточную Галицию. Русские войска взяли Галич. Эскадрон Алексея Валерьевича одним из первых вошёл во Львов и галицкие русины многотысячной толпой с восторгом встречали его солдат и офицеров, освободителей червонной Руси от чужеземного ига. К спешившемуся Алексею Валерьевичу подошла делегированная красавица русинка, поднося хлеб, соль на вышитом рушнике. Она подняла свои любопытные чёрные глаза на высокого, белокурого, благородного ротмистра Серебрянова, разглядывая его острые черты лица, жёсткий взгляд, и забилося её сердце по-особенному трепетно. В ту же минуту поняла

черноглазая русинка, что разделит надвигающуюся ночь с ним, будто из «Повести временных лет» шагнувшим к ней, первым галицким князем.

Каждый новый день на войне учит одной нехитрой истине, что прошлого уже нет, а будущее может не наступить, есть только настоящее, есть только этот день. Этим днём и жил теперь Алексей Валерьевич, потому не обманул надежд черноглазой русинки и не сдержал своих сиюминутных желаний. Если бы она только могла, она подарила бы ему не только эту ночь, она подарила бы ему всю Галицию и всю свою жизнь в придачу, но русская армия не стояла на месте, и двинулась вглубь Восточной Пруссии в сторону Кёнигсберга.

Вскоре, на торжественном параде, в занятом Инстербурге, под звуки полковых маршей, генерал от кавалерии фон Ренненкампф обходил строй, здороваясь с полками и благодарил их за боевую работу. День стоял ясный, и в самом воздухе витала торжественность, а Алексей Валерьевич ёжился под лучами холодного осеннего солнца. Он чувствовал себя чужаком на этой площади, окружённой чуждой его русскому сердцу прусской архитектурой игрушечных, пряничных домиков. И даже раздача первых боевых наград, по окончании молебна из рук командующего армией от имени Государя Императора не сгладила этого ощущения. А ведь Алексей Валерьевич был награждён перед всем строем Георгиевским крестом 3-й степени за храбрость, проявленную в бою у Яро-

славице. Но какова цена наградам, когда уже через несколько дней началось поспешное отступление Первой русской армии к границе, а затем за реку Неман? И отвод войск сопровождался не только ожесточенными боями, но и паникой в тылах.

– Вы слышали, ротмистр, Самсонов застрелился! Мартос, Ключев в плену! – говорили офицеры. – Структура армий постоянно меняется, неопределенность в подчинении отдельных соединений! Бардак! Повсюду бардак! Как же так можно воевать?!

Но, что сейчас могли изменить эти слова? И штабом армии было принято решение использовать части гвардейской кавалерии для наведения порядка. Два эскадрона лейб-гвардии Конного полка направились в район Мариамполя. Одним из них стал эскадрон Алексея Валерьевича.

Получив приказ штаба армии в гарнизонном собрании, Алексею Валерьевичу требовалось сделать по нему необходимые распоряжения по эскадрону, да так, чтобы не пал боевой дух солдат. А ведь всего несколько недель назад этот дух у русских людей лился через край. Ещё несколько недель назад сотни людей вылились рекой на дворцовую площадь столицы, с флагами, пением гимна. При появлении царя на балконе Зимнего дворца все эти люди бросились на колени.

А вызвана такая любовь была тем, что уже за первые шесть лет правления Императора Николая II Александровича тяжёлая промышленность империи выросла вдвое, веду-

щая отрасль – машиностроение, за семь лет увеличила объемы вдвое. Завод Сормово под Нижним Новгородом за две недели выпускал пароход, за два дня паровоз, за один день двенадцать товарных вагонов. За то, что население империи выросло до 130 миллионов человек, что вплоть до начала этой войны Николаевский золотой червонец являлся самой твердой валютой в мире. А, что будет теперь? Что станет с промышленностью, перешедшей на военные рельсы, с экономикой, с людьми? Сколько из них останется жить, да ещё, если усмирять их будут свои же солдаты и офицеры? Но приказ был получен и Алексей Валерьевич, пользуясь своим авторитетом и решительностью, быстро сумел установить порядок в тылах Двадцатого корпуса.

Но главным, во всей этой круговерти фронтовой жизни, для Алексея Валерьевича оставалось одно – чтобы не происходило, какие бы приказы не были отданы ему, и в мирное время не оставляющему времени для своих личных дел, никто не мог забрать у него той минуты, когда едва закрыв глаза перед сном, он видел образ своей Ксенюшки. Той Ксенюшки, которую впервые увидел в Богоявленском, милую, застенчивую с бездонными серыми глазами и доброй улыбкой. Ради этой улыбки он готов был всё вынести и всё вытерпеть. Никакие невзгоды и никакие лишения не могли испугать Алексея Валерьевича, только бы знать, что любимая Ксенюшка ждёт его и где-то улыбается.

Глава 11.

Лето 1914 года заканчивалось, и стоявшая на пороге осень окутала Богоявленское туманом и дождём, мелким-мелким, как мокрая пыль. «Аглицкий» парк Сенявиных одевшийся в пышное разноцветное одеяние, неторопливо сбрасывал свои одежды на скамейки, пруд и липовую аллею, по которой гуляла Натали.

Она вышла к берегу Дона. Вокруг было так тихо, что только тёмные воды величественной реки напоминали о грохочущей где-то войне и гибели людей. Натали представила что там, где стрельба и пушечные залпы, её отец рискует жизнью, защищая их любимую страну – Россию. И желая прогнать страшные картинки боевых действий виденные в журналах, она размечталась, как кончится война, как заживут тогда все они весело и счастливо. И горе никогда не постигнет их семьи, Сенявиных и Нейгон.

– Вы совсем не боитесь дождя? – прервал мечтания Натали незнакомый голос.

Обернувшись, она увидела перед собой Игнатова Игоря.

– Я люблю дождь, – улыбнулась Натали, и на щеках её заиграл едва заметный румянец. – Порой мне кажется, что в минуту моего рождения за окнами шёл дождь.

– В Петербурге часто идут дожди, – задумчиво произнес Игнатов.

– Откуда вам известно, что я родилась в Петербурге?

– В Богоявленском слухи распространяются быстро. И то, что в семье Сенявиных уже месяц живут жена и дочь полковника Нейгона давно не тайна.

– Да-да, всё верно, – снова застенчиво улыбнулась Натали.

– А когда родился я, была стужа и мела метель. У нас в Иркутске зимы холодные и снежные.

– Вы из Иркутска? Ах, голубчик, если бы вы знали, сколько книг я прочла о Сибири и, как бы я хотела побывать там. Расскажите мне, пожалуйста, об Иркутске, ведь рассказ из первых уст это совсем иное, нежели книги.

– Расскажу. Обязательно расскажу, но не сейчас. Мне нужно идти. Хотите, я провожу вас до усадьбы?

– Нет-нет, я буду ещё гулять.

– Тогда прощайте, – Игорь ушёл, забирая с собой розовый аромат её духов.

– До свидания, – помахала Игнатову в след Натали.

Домой она вернулась в самом лучшем расположении духа. С радостной улыбкой Натали подсела за стол к матери и Ольге Андреевне, и, прервав их чаепитие, принялась с восторгом рассказывать о своей встрече.

– Кто бы это мог быть? – удивилась Ольга Андреевна. – В Богоявленском никогда не было сибиряков.

– Ах, как жаль, что он не представился, – не сдержала своего огорчения Натали. – Но я уже видела его однажды,

возле дома Фаруха.

– Уж не проходимец ли это Игнатов? – всплеснула руками Ольга Андреевна.

– Отчего же проходимец? – удивилась Натали.

– Если б вы только знали, милая Марта, как он мне не нравится, – не обращая внимания на Натали, сказала Ольга Андреевна. – Он то исчезнет куда-то, то появится вновь. То батраком к кому-нибудь наймётся, а то снова целыми днями на скамейке у Фаруха просиживает. Откуда он только взялся в нашем Богоявленском? Кто он такой?

– Неужели у нас в имении ещё находятся те, кто этого не понимает, – отозвалась сидящая рядом, за вышивкой, Вера.

Как всегда роскошная, она высокомерно взглянула из-под чёрных, высокой дугой изогнутых бровей, на мать и Натали, и демонстративно громко вздохнула.

После встречи с Митькой, она снова превратилась в ту прежнюю Веру, которую даже домочадцы стали забывать, надменную, самоуверенную и коварную, холодную княжну. И не дав матери высказаться относительно своих догадок, она отложила свою работу и протянула Натали взятую со стола газету «Биржевые новости», вышедшую экстренным выпуском.

– Прочти, – почти приказала Вера Натали. – Тебе это должно быть интересно.

Натали начала читать газету бодрым голосом, но закончила понуро.

– «Мы легли спать в Петербурге, а проснулись в Петрограде». Неужели антигерманские настроения настолько велики, что Государь переименовал Санкт-Петербург в Петроград? – грустно спросила она.

– Да, – холодно цокнула языком красавица Вера. – Поэтому впредь хорошенько подумай, прежде чем заговорить с незнакомцем.

– Я полагаю, Вера права, – поддержала Марта, ласково погладив дочь по голове.

Печально уставившись в окно, Натали опустила голову на ладони. Приподнятое настроение вмиг исчезло. А Ольга Андреевна и Марта, не обращая на неё внимания, придались воспоминаниям:

– Ах, Петербург! Помню на Невском была отличная аптека. В ней продавали чудесные шампуни, хвойные, яичные и крапивные. В Воронеже таких нет...

Глава 12.

... И, наконец увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на пол года не хватило,

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не моё, а наше,
И с миром утвердилась связь, —

И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастьем привыкли звать!

Ксюша читала стихотворение Александра Блока под прелестную игру Натали на фортепьяно. Ото дня ко дню Ксюша становилась всё грустнее и грустнее, и серые глаза её, казалось, совсем потухли. Она терзалась печальными мыслями. Ксюше казалось, будто все те надежды и мечты, которыми она жила всего год назад, оказались ложными. И, что этой всеобъемлющей любви к Алексею Валерьевичу быть может, и не нужно было, если так скоро наступило уныние? Быть может, эта любовь была слишком велика для того, чтобы

длиться вечно? Но ведь как ей хотелось, чтобы она была вечной. А может быть счастье и вовсе заключается в чём-то совсем ином, чем тихий семейный уют, служение супругу? И тогда она была слишком юна, чтобы понять это? Может быть, она поторопилась тогда, год назад, когда бросилась в своё замужество, как в омут головой? Может быть, зря не дал ей Алексей Валерьевич больше времени, чтобы разобраться в себе? Или всё-таки оно такое и есть, это счастье – буднично не интересное, предсказуемое, скучное, и напрасно она представляла его себе другим? Или это война так травит душу разлукой? Но как он там? Жив ли? Не болен ли? Вспоминает ли о ней? Не сомневается ли он в счастье с ней? Нет, разве возможно сомневаться в их счастье? В их самой светлой, самой искренней, бесконечной любви? Разве может такая огромная любовь стать маленько-маленькой и однажды исчезнуть вовсе? Тогда откуда взялась эта душевная паника исчезновения их любви, только их счастья?

И ответ к Ксюше пришёл сам собой. Такой простой и ясный – это страх. Страх перед возможностью потерять друг друга не по своей воле. Страх, что эта война разлучит их навсегда, не спросив на то ни чьего разрешения.

– Чего так тихо у молодых барышень?

– Злата! – обрадовалась гостье Натали.

– А я нынче видела сон, – сказала Злата. – Кубыть маменьки ваши и Вера уехали в Воронеж и дома вы совсем одни.

– В руку! – засмеялась Натали.

– Никакого волшебства, милая, это папа должно быть уже приехал к Митрофану Спиридоновичу и обо всём поведал, – улыбнулась Ксюша.

И Злата с Натали озорно засмеялись в ответ.

– Ах, как же я всё-таки доверчива, – и ещё детское, светлое личико Натали, покрылось румянцем смущения.

– Это плохо, душенька, – с некоторой грустью ответила Злата. – Моя сестра Глаша тоже была доверчива, и больно поплатилась за то.

– А у нас есть новость, – Натали разорвала повисшую над ними тишину, наполненную не самыми приятными для семей Сенявиных и Мищенко воспоминаниями. – Ксюша получила письмо от Алексея Валерьевича и представь себе Ставку Верховного Главнокомандующего, которую он охраняет нынче с остальными конногвардейцами, посетил сам Император. Он похвалил Алексея Валерьевича за ценные сведения, которые тот добыл в разведке, и наградил Георгиевской медалью за храбрость!

– И молчишь, – покачала головой Злата, глядя на Ксюшу. – Эх, ты!

– Однако отчего ты так редко приходишь к нам, Злата? – лучик полуденного солнца украдкой пробрался сквозь витражное стекло в зал, забрался по шёлковому халату на напудренное белое лицо Ксюши и затанцевал в причёске белокурой гейши. – Мы здесь так скучаем в одиночестве, словно

в ссылке.

— А мне вот теперь скучать не приходится. Я с нонешнего дня попросилась в помощницы к Фаруху. В селе уж появились первые раненые, и Полина согласилась учить меня делать повязки, накладывать жгут, останавливать кровотечение. А ещё я читаю односельчанам письма с фронта, и помогаю на них отвечать. Ведь мало кто, в нашем Богоявленском грамоте обучен.

Говоря эти слова, глаза Златы горели такой энергией, решительностью, девичьим задором и смелостью, что Натали воскликнула, вскочив с места:

— Ах, Злата, какая же ты умница! Как это правильно! И как же я сама не догадалась? Но, как ты полагаешь, Фарух с Полиной возьмут и меня в помощницы?

— Должно быть возьмут.

— Как это здорово! — не унималась Натали. — Теперь каждый человек, в такой беде, может быть полезен. И мы — женщины, так же можем внести свою лепту в борьбу с врагом. Воображаю, как будет гордиться мной папа, когда узнает об этом решении. Я сегодня же отпишу ему. А, как ты полагаешь, Ксюша?

Но Ксюша лишь равнодушно пожала плечами. Она не разделила энтузиазма своих подруг. А Злата и Натали окунулись в свою миссию с головой. По утрам они учились у Фаруха и Полины секретам врачевания, а вечерами читали приходившим к ним богоявленцам письма от фронтовиков, пе-

реживая вместе с ними, когда со слезами, а когда и со смехом всю реальность фронтовой жизни. И им казалось, что так они становились немного ближе и к своим родным, сражающимся за отечество и славянство на этой войне.

Так, за работой, эти барышни даже научились растапливать печь в смотровой и не жаловались, когда приходилось носить тяжелые вёдра с водой.

— Бог в помощь, барышни! — поприветствовал девушек Игнатов, застав их за этим занятием.

— Бог то Бог, да и сам бы помог, — как всегда смело, парировала Злата.

— С нашим удовольствием, — подхватив тяжёлые ведра у девушек, заулыбался он.

Игнатов увидел, как Натали неуклюже несла своё ведро, перехватывая с руки на руку, ударяя по ногам, и пожалел её.

Странное чувство сладкой тревоги охватило Натали при появлении Игоря. Неожиданно для себя, она поняла, что рада видеть его. Рада видеть этого ещё недавно чужого для себя человека.

Теперь, каждый вечер, Натали с нетерпением ждала нового дня, чтобы снова прийти к Фаруху и хотя бы издалека увидеть его. А если ей не удавалось встретиться с Игорем, она начинала скучать и грустить вместе с этими начавшимися осенними дождями и опадающими разноцветными листьями.

В один из таких дней, Натали сидела за столом у откры-

того окна, обрабатывая спиртовым раствором инструменты Фаруха и напевала либретто из Половецкой пляски, когда с улицы к окну подошёл Игорь. Облокотившись на подоконник, он протянул ей маленькую кисточку рябины и сказал:

– Красиво вы поёте!

– Это из оперы «Князь Игорь», – застенчиво ответила Натали.

– Даже так? – улыбнулся Игорь. – Символично. А сегодня дождь с самого утра, как вы любите.

– Да. Знаете, мне сегодня так хорошо и легко, как никогда прежде. Честное слово. Так и хочется выпорхнуть из этого окна и улететь далеко-далеко, к самым облакам. А вам?

Опустив подбородок на сложенные на подоконнике руки, и глядя Натали в глаза, Игорь ответил:

– И мне... очень хорошо рядом с вами.

От смущения, юное личико Натали покрылось румянцем. Опустив глаза, она застенчиво улыбнулась.

С этого дня, Натали каждое утро стала находить на том самом подоконнике маленькую кисточку рябины.

– Вот наблюдаю я за тобой Натали и не понимаю, ты стала какая-то другая. Что с тобой происходит? – спросила однажды Ксюша.

– Ничего особенного, просто мне очень хорошо, – ответила та. – Хорошо и грустно одновременно.

– А отчего же грустно?

– Грустно оттого, что не могу быть там, где идёт простая

человеческая жизнь, с весельем и гармонью. Злата и Полина часто рассказывают, как проводят вечера у торговой лавки.

— Помилуй, пристали ли тебе эти забавы? — ответила Ксюша и задумалась.

На неё нахлынули воспоминания тех лет, когда она и сама, одержимая любопытством, бегала вечерами к торговой лавке и наблюдала издалека за тем крестьянским весельем, которое Натали назвала сейчас простой человеческой жизнью. Весёлая и свободная от дворянского этикета и светских правил, быть может, такая жизнь и в самом деле более полная и счастливая. Быть может, в их происхождении заключается и их несчастье? Несчастье такой колоссальной отдалённости от людей, близость которых, могла бы составить их счастье? И, кто знает, возможно, не было бы сейчас у Ксюши этой испепеляющей её существование скуки, если бы была в её жизни и эта народная гармонь и часть этой народной жизни.

Ксюша вспомнила и Митьку, и Ваську, к которым с самого детства испытывала искреннюю привязанность и грусть от невозможности быть к ним ближе из-за барьера происхождения, который невозможно не разломать, не перелезть. И вот теперь на тот самый барьер наткнулась Натали. Барьер, навсегда разделяющий её и с Полиной и с Игорем. Но всё-таки, в барьере ли дело?

— Ах, эти наши извечные размышления о русской душе, — лениво потянулась Ксюша. — И папа любит поспорить о русской душе и всё его окружение в свете. Всюду где бы я ни

была, в каждом доме, все разговоры заканчиваются спорами о русском народе и русской душе. Особенно мы любим сии споры в периоды войн, когда от этого самого народа зависит наша свобода и наши жизни. Вот считаешь Толстого – о русской душе, Тургенева – о русской душе, Достоевского – снова она, русская душа. Такая загадочная, такая обнадеживающая своей добротой и всепрощением.

– Да разве же это дурно, Ксюшенька? – удивилась Натали. – Загляни в Альбом Великой Войны. Разве же не подтверждение Толстому подвиг казака Крючкова? Или подвиг поручика спасшего своего солдата?

– А по мне, так всё сказочки от скуки. Иной раз и сама так заскучаешь, хоть сама пиши или рисуй, и ничего другого на ум не идёт, как только душа русская. И, казалось бы, ничего не мешает: вот перо, чернила, бумаги лист, альбом и краски, но лень такая возьмёт, ну прям хоть плач.

– Ксюша, как же можно так, если желание имеется?

– Полно душенька, полно. Скука деревенская, она всему виной. Другое дело Петербург! Там балет, там опера, балы, приёмы, скучать совершенно некогда. И немыслимо вообразить рядом барышню и торговую лавку. Грубость, бескультурие и невежество – вот и вся душа, никакой поэзии. Каждому Господь на этом свете отвёл своё место, его и нужно держаться. И возможно ли, чтобы барышня сеяла пшеницу, граф столярничал в мастерской, а крестьянин заседал в Государственной думе, или того более председательствовал в

правительстве? Возможно ли, чтобы солдат командовал армией? Если допустить такое хотя бы на день, помилуй Господь, страшно и помыслить, что тогда делается.

— И всё-таки, Ксюшенька и Пётр Великий столярничал в мастерской и граф Толстой шёл за плугом, и пращур твой Сеньявин не родился адмиралом, а послужил прежде матросом.

— Ах, голубушка, ты ещё совсем девочка, наивная девочка, — взяв с туалетного столика блеск для губ Ксюша, приникла к зеркалу и повторила: — Всё от скуки.

Глава 13.

После завоевания русскими войсками почти все Восточной Галиции и Буковины с городом Черновцами и осады Перемышля, десятого ноября русская армия взяла Лупковский перевал и перешла Карпаты. Концу ноября были заняты города Медзилаборце, Свидник, Гуменне, Снина.

Планы германского командования удержать весь Восточный фронт силами только австро-венгерской армии потерпели провал. В ходе этой операции армия Российской Империи выполнила свой союзнический долг, что на время спасло Сербию от разгрома.

– И всё-таки главное, господа, это расположение орудий. Вот возьмём бой под Гумбинненом. Их конноартиллерийский дивизион выехал на открытую позицию, надеясь ударить по нашей батарее. А мы затаились в балке, за ивняком, господа. Они и не разобрали поначалу, откуда их накрыли, а когда дошло, мы уже разнесли их батарею в пух и прах! Такое расположение, когда батарея хорошо замаскирована и стрельба идёт по вспомогательной точке наводки, мы освоили в японскую.

В офицерском блиндаже было шумно и сильно накурено. За три месяца, проведённых на фронте, Андрей уже привык и к сигаретному дыму и к бесконечным офицерским спорам. Но к крови, страшным осколочным ранениям, уродующим

тела и каждодневным смертям солдат, ему казалось, привыкнуть невозможно. От этого Андрей и восторгов своих боевых товарищей о выигранных сражениях, не разделял. Да, все они выполняли свой долг, но ведь и по другую сторону фронта гибли люди. Простые люди, которые так же, как все они, в этом блиндаже, не желали этой войны, презирали её всем своим существом.

— И, тем не менее, невзирая на расположение орудий, Первая наша армия ушла из Восточной Пруссии. Потому я полагаю, что главное сейчас, это сделать правильные выводы, чтобы впредь не повторить тех же ошибок. Вот на чём следует акцентировать своё внимание. Не правда ли, господа, — сдержанно и рассудительно сказал Андрей.

— А вы наглец, князь, — с иронией произнёс принимавший участие в том отходе капитан. — Самый юный и самый неопытный среди нас унтер-офицер решил поучить старых воинов. Однако этим вы мне и нравитесь. Ибо подобную смелость проявляете не только в спорах, но и в бою.

— В чём я не прав? Скажите, господин капитан.

— Война, князь, это не только храбрость в бою. Война, это ещё и стратегия, — ответил тот. — Бывает и так, что отступление на одном из участков, может спасти целую армию. На тот момент главные силы Ренненкампа, нацеленные командующим фронтом на осаду Кёнигсберга, сконцентрировались на северном фланге, и противник решил ударить по южному флангу, где находился лишь один Второй корпус и кон-

ница. И неприятель вышел туда не на прогулку, он планировал прорвать фронт, выйти в тыл Первой армии, оттеснить её к морю и болотам Нижнего Немана и там уничтожить. И противник, князь, был близок к успеху. В начале сентября обходная германская колонна беспрепятственно прошла озёрные дефиле, и отбросила части Второго корпуса, выходя в тыл первой нашей армии. Ренненкампф тогда был просто вынужден срочно перебросить на южный фланг из центра две пехотные и три кавалерийские дивизии, и с севера Двадцатый корпус. И вот таким образом остановив наступление противника, начал отводить на восток всю армию. И когда обходная колонна германцев возобновила наступление на север, угроза окружения наших войск уже миновала. Да, Первая армия отошла, но германский план её окружения и уничтожения провалился. И провалился именно благодаря своевременному решению об отступлении и, разумеется, упорству арьергардных корпусов.

– Прошу простить меня за дерзость, господин капитан! Вы правы!

– Вы молоды, князь, от того горячи. Не стоит и полагать, что всё произошедшее осталось без внимания. Теперь уже всем известно, что командующий фронтом генерал Жилинский уволен и у Северо-Западного фронта новый командир.

– Честь имею, господа!

Маршал Фош скажет впоследствии: «Если Франция не была стёрта с карты Европы, то этим прежде всего мы обя-

заны России, поскольку русская армия своим активным вмешательством отвлекла на себя часть сил и тем позволила нам одержать победу на Марне».

Тактический успех Германии в Восточной Пруссии, за счёт переброски войск с Западного фронта, обернулся в связи с провалом операции против Франции поражением стратегическим. Германия была вынуждена вести затяжную войну на два фронта, которую у неё не было шансов выиграть.

Андрей вышел на улицу. Промозглый ноябрьский ветер дул откуда-то с севера, будто из России и напоминал каждому русскому сердцу о далёкой родине. И оттуда же, с северной стороны донеслась до слуха Андрея тихая песня. Такая знакомая и такая близкая, она растормошила его.

Андрей подошёл к солдатам, сидящим вокруг маленького костерка.

– Случилось чего, ваше благородие? – вскочили они с места.

Андрей отрицательно покачал головой и сел рядом с ними. Солдаты снова тихо затянули старую казачью песню:

За окошком размечает

Белые снежиночки

Кабы жизнь начать сначала

Не было б ошибочки...

Да, эту песню часто пели мужики в Богоявленском.

Андрей понимал, что время уже близится к полуночи, и он снова не лёг спать раньше одиннадцати, а утром не позже

шести часов уже нужно быть опять на ногах. И если удастся, ему необходимо провести хоть и утомительные, но необходимые зимние занятия с солдатами, такие же, какие он сам проходил когда-то, будучи ещё совсем мальчишкой в Первом Санкт-Петербургском кадетском корпусе, а затем в Павловском военном училище. Там с ними, молодыми юнкерами, занимались и на воздухе и в душных казармах. А почему собственно он уделяет им столько внимания? Потому, что хорошо помнит наставления отца, Алексея Валерьевича, Михаэля Нейгона. Все они постоянно говорили, что нужно вкладывать всю душу для обучения молодых солдат, чтобы из простого, деревенского, неповоротливого, умственно слабо развитого парня сделать воина-бойца, защитника своей Родины!

Андрей закрыл глаза и унёсся, будто в глубокий сон, в воспоминания о родном Богоявленском. Там, наверное, пурга уже заносит снегом дороги, дома, парк... Андрею вспомнилось детство, кадетский корпус, военное училище, какое будущее его ждало, какая ослепительная судьба. А потом эта нелепая несостоявшаяся дуэль, перечеркнувшая все его мечты, назначение в Варшаву. Но тогда Андрей даже не представлял, что всего через месяц начнётся война и вместо Варшавы он отправится прямиком на фронт.

И вот уже три месяца, как он здесь. За это время он успел повыситься в чине и из младшего унтер-офицера стать старшим унтер-офицером и, как ему казалось, приобрести боль-

ше знаний, чем за два года в военном училище.

– А вот ещё такой случай был, – сказал сидящий у костра солдат. – То было ещё до японской войны. Приехал в Россию с визитом кайзер ихний Вильгельм, и пошёл посмотреть в Петербурге 85-й Выборгский полк. Прошли, значит, все церемониальные почести и во время смотра подошёл этот ихний Вильгельм к полковому трубачу и спрашивает: за что полку были пожалованы серебряные трубы? А тот ему как рывкнет: «За взятие Берлина, ваше императорское величество!» Вильгельм покраснел аки рак и говорит, что, мол, больше этого не повторится, а трубач опять, радостно так, громко отвечает: «Не могу знать! Как прикажет нам наше императорское величество!»

– Бреешь, чертяка, – рассмеялись другие солдаты.

– Верные мои слова! Ваше благородие, ну ведь было же такое? – обратился рассказчик к Андрею.

– Было, было, – утирая слёзы смеха, ответил Андрей.

Андрей, конечно, не знал, могла ли случиться на самом деле эта история, он никогда не слышал её прежде, но так она его рассмешила, столько вселила оптимизма, что он не захотел развенчивать этот миф перед солдатами.

– Никак нельзя на войне без солдатских баек, – тихо сказал Андрею старый солдат. – Они и в холод согреют, и в голод червячка заморят, и в грустную минуту плечи расправят.

Андрей утвердительно кивнул и снова закрыл глаза, моментально провалившись в сон.

– Ваше благородие, – разбудил Андрея тот же старый солдат. – Ступайте, поспите.

– Да-да, – проснувшись, ответил Андрей. – Дом мне приснился.

– Я тоже часто дом во сне вижу, детишек. Каково им нынче без отца?

«Отец! – Андрей вспомнил, как провожал он его на вокзале, песню Златы, её голубое платье, рыжие волосы пахнувшие сиренью. – Злата! Как она живёт теперь? О чём сейчас её заботы?»

Глава 14.

Заботы Златы были связаны с подготовкой нового воронежского особняка отца к новогоднему балу. Она долго отказывалась переезжать в этот дом из Богоявленского, потому что и до неё доходили неприятные слухи о воронежских кутежах отца. Но всё-таки противиться воле Митрофана Спиридоновича было бессмысленно. Ведь именно для Златы, своей любимой дочери, он строил этот дом, в котором предполагалась насыщенная духовная жизнь для неё.

Из всех своих четверых детей не единственного сына Арсения сильнее всех любил Митрофан Спиридонович, и не тихую, покладистую Глашу, и даже не самую младшую, четырёхлетнюю Симу, а взбалмошную, неуправляемую хулиганку Злату.

– Старшие, что? – говорил Митрофан Спиридонович. – Материна порода. А Златка – моя кровь, мой норов!

Не жалел денег Митрофан Спиридонович ни на наряды, ни на развлечения, ни на образование для своей любимой дочери. Потому и определил её на обучение в дорогостоящую Мариинскую женскую гимназию. Радовался, появившимся у неё знаниям, изменившейся речи, и, невзирая на юный возраст Златы, стал задумываться о поиске достойного жениха для неё. Но самой Злате были смертельно скучны изучение Закона Божьего, русского, французского и немецкого язы-

ков, рисовать у неё не получалось, рукоделие и танцы наводили тоску, а в арифметике, опытной физике и архитектуре она ровным счётом ничего не понимала. Терпеть Злата могла разве что историю и географию. Потому-то оказавшись в Воронеже, она мгновенно и сошлась с, уже не первый год живущим здесь, другом детства Егором Боровским и его революционно настроенным окружением. Злате нравились их идеи, их стремление помогать и защищать нуждающихся, ведь она и сама куда больше любила помогать Фаруху в Богоявленском, чем изучать науки в гимназии рядом с избалованными, обеспеченными своими родителями, одноклассниками. Куда ближе их по темпераменту была Злате радикальная молодёжь. Понимала она их свободную, вольную душу. Их энергия, смелость, свободолюбие подходили неугомонной Злате, как нельзя лучше. И чем ближе она с ними сходилась, тем сильнее презирала купеческое общество своего отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.